

ПРОЦЕДУРА НОЛЬ

МАРИЯ РОСС

Мария Росс

Процедура Ноль

«Автор»

2026

Росс М.

Процедура Ноль / М. Росс — «Автор», 2026

2095 год. На изолированной станции «Надир» происходит невозможное: система уверяет, что оператор Сорен Вейл находится внутри запертой серверной галереи. Дверь не открывалась. Камеры показывают пустоту. Но на внутреннем стекле обнаруживается отпечаток человеческой ладони, а сотрудники станции помнят человека, которого не существует ни на одной записи. Расследовать сбой прибывают специалист Вера Крылова и инспектор Илья Корин. У них меньше двух суток до автоматического уничтожения части архива и чем глубже они погружаются в данные станции, тем меньше могут доверять камерам, журналам и даже собственным воспоминаниям. Обложка: изображение, созданное ИИ (лицензия)

© Росс М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Человек за стеклом	5
Сухая кровь	14
Запись с пустого кресла	19
Три удара	26
Голос из закрытой линии	32
Архив без лица	41
Последняя передача	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мария Росс

Процедура Ноль

Человек за стеклом

Человек за стеклом

Кабина рванулась вниз. Металлический кейс Ильи скользнул по решётчатому полу; он прижал его носком ботинка, даже не взглянув.

— Если это способ проверить, держится ли груз, то держится, — сказал он. — Можем сообщить наверх, пусть перестанут беспокоиться.

Вера поймала ладонью поручень. Холод металла мгновенно проступил сквозь перчатку. За узким смотровым стеклом медленно проплывали слои льда — мутные, исчерченные тонкими прожилками, будто станция опускалась не в шахту, а внутрь старого шрама. Свет кабины дрожал от вибрации. На панели сменялись отметки глубины; Вера проводила взглядом каждую, пока цифры не уступили место времени: 13:20. День 1, 2095 год.

Илья поднял кейс и защёлкнул ремень на запястье. В тесной кабине он казался выше обычного: плечи почти упирались в стены. Лицо у него было серым от долгого перелёта и бессонницы, но спокойным. Вера знала: чем суше он шутит, тем внимательнее следит за тем, что не попадёт в отчёт.

— Ты уверен, что у них здесь есть нормальная лестница? — спросила она.

— У них есть лифт. Лестница была бы проявлением оптимизма.

Кабина ударилась о нижний ограничитель. Зубчатый скрежет прокатился по шахте и стих. Металл за их спинами содрогнулся ещё раз — будто конструкция передумала отпускать.

Вера взглянула на индикатор. Давление выровнялось. Наружный шлюз разблокирован.

За дверью кабины оказался короткий тамбур, впереди ждала гермостворка. На серой эмали, под матовым защитным лаком, проступал знак: круг, рассечённый тремя узкими полосами. Крайняя линия обрывалась у маленькой выщербины.

Вера задержала на ней взгляд.

Пальцы сами нашли на ремне сумки гладкий участок, стёртый ногтем. Она убрала руку, прежде чем Илья успел заметить движение.

— Что? — спросил он.

— Старый знак программы.

— «Надира»?

— Логотип технического блока. Такие ставили на оборудовании.

Илья посмотрел сначала на эмблему, потом на неё.

— Ты знала, где искать?

— Он на уровне глаз.

Ответ вышел точным и бесполезным. Вера отвернулась к панели шлюза. На экране загорелись два поля допуска. Илья приложил инспекторский ключ, она — временный жетон судебного специалиста. Система помедлила на секунду дольше, чем требовалось, затем створка разошлась с тяжёлым сухим стоном.

Они вошли в шлюз. За спиной сомкнулась наружная дверь; на панели побежали полосы проверки герметичности. Шум лифта остался по ту сторону, но стены всё ещё слегка дрожали от работы насосов.

На полу лежала белёсая пыль, забившаяся в стыки, а в углах поблёскивала ледяная крошка, принесённая на подошвах. Воздух пах металлом, озоном и чем-то сладковатым, как перегретый пластик.

Илья стряхнул с рукава снежную крупинку. Она упала на пол и не растаяла.

— Надо было взять термос, — сказал он.

— У тебя есть.

— У меня есть кофе.

— Это не одно и то же.

— Рад, что мы сохранили способность различать категории.

На следующем цикле внутренняя створка открылась. За ней ждал мужчина в тёмной рубашке с аккуратно застёгнутым воротом. Он не носил станционную куртку, хотя в коридоре было прохладно; серебристые волосы были зачёсаны назад, лицо не располагало к фамильярности.

— Вера Крылова. Илья Корин, — произнёс он. — Аркадий Вей. Добро пожаловать на «Надир».

Он пожал им руки — сначала Илье, потом Вере. Ладонь у директора была сухой и тёплой.

— Вы прибыли быстрее, чем я ожидал, — сказал Вей. — Проблему удалось локализовать, однако статус оператора остаётся неопределённым.

— «Неопределённым» — аккуратное слово для пропажи человека, — отозвался Илья.

— Мы не зарегистрировали пропажу человека. Мы зарегистрировали расхождение между операторской сессией и физическими показаниями станции.

Вера сняла внешние перчатки. Кожа на костяшках горела после контакта с поручнем.

— Имя?

— В учётной записи — Сорен Вейл. Профиль числится за удалённым оператором; ему приписаны ночные сеансы архива и доступ к серверной галерее.

— Когда его видели в последний раз?

— Физически — неизвестно. В системе активна его учётная запись.

Илья чуть повернул голову.

— Где именно?

— В серверной галерее.

Вей не улыбнулся и не попытался смягчить ответ. За его спиной горела зелёная полоса аварийного освещения; рядом на стене висел прозрачный чехол с дыхательными масками.

— Вы утверждаете, что человек находится за запертой дверью? — спросила Вера.

— Я утверждаю, что система идентифицирует профиль Сорена Вейла как присутствующий в галерее. Физические каналы этого не подтверждают. Именно поэтому вас вызвали.

— А личный канал Вейла? — спросил Илья.

— Канал, привязанный к его профилю, отключён в 08:18 Дня 1.

— До или после того, как система поместила его за запертую дверь?

— Примерно через минуту после.

Вей повёл их по коридору. Пол был покрыт тёмной нескользящей сеткой; шаги отдавались глухими ударами. Вера шла за директором, стараясь не смотреть на повороты. Левая стена, узкий проход, два встроенных шкафа, ремонтная заплатка под трубой. До следующей развилки оставалось несколько шагов. Она уже знала, что коридор там раздвоится: один ход поведёт к жилому сектору, другой — к архивным блокам.

Не по схеме.

— Сюда, — сказал Вей, сворачивая налево.

Илья сравнялся с Верой.

— Ты видела план станции?

— Да.

— Когда?

— В материалах дела.

— В тех, что прислали сорок минут назад?

Вера придержала дверь следующего отсека.

— Осторожнее с кейсом.

Он посмотрел на неё, но не стал настаивать. Кейс звякнул у него в руке.

Комната наблюдения располагалась перед серверной галереей. За широким многослойным стеклом лежал длинный прямоугольник помещения: ряды стоек, матовые корпуса, тонкие линии синего света. В глубине виднелась закрытая гермодверь. Ни стульев, ни личных вещей, ни следов недавней работы. На узком столе под окном стояли кружки и запечатанные пакеты с бульоном.

— Камеры ведут запись непрерывно, — сказал Вей. — Серверная галерея изолирована. Одно помещение, один вход. Служебный канал изнутри не открывает внешнюю дверь.

— Кто имеет ключ? — спросил Илья.

— Дежурный инженер, директор станции и аварийная группа. Последний физический вход зарегистрирован в 06:03 Дня 1. С тех пор створка оставалась закрытой.

— Кто вошёл в 06:03?

— Техник проверял охлаждение. Через семь минут вышел.

— Имя?

Вей посмотрел на экран у двери.

— Ладислав Орлов. Сейчас он в жилом секторе.

— Мы поговорим с ним, — сказала Вера.

— Разумеется. Но сначала посмотрите запись. Исходные данные загружены в отдельную сессию.

У стола Вей взял пакет с бульоном, надорвал край и протянул Илье второй. Илья изучил состав, будто тот мог оказаться уликой.

— Рыбный?

— Овощной.

— Хуже.

Он всё же оторвал крышку. Вера тоже взяла пакет. Тёплый солоноватый запах на мгновение перебил холодный воздух. Она обожгла язык первым глотком и поставила бульон на стол.

Вей открыл запись.

Изображение серверной заполнило экран. Камера смотрела на галерею сверху, захватывая ряды стоек и обе двери. На временной шкале стояли отметки с 05:40 до 09:00 Дня 1. В углу шёл неподвижный ряд цифр.

В 06:03 вошёл техник в светлом комбинезоне. Он прошёл вдоль первого ряда стоек, наклонился над панелью охлаждения, проверил два индикатора и вышел. Дверь закрылась. Больше никто не появлялся.

— Увеличьте время, — сказала Вера.

Вей провёл пальцем по шкале и остановил запись за минуту до следующего события.

Вера придвинулась к экрану.

На отметке 08:16:42 обновился статус. Над пустым рядом стоек возникла строка:

СОРЕН ВЕЙЛ. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ: СЕРВЕРНАЯ ГАЛЕРЕЯ. ПРИСУТСТВИЕ: ПОДТВЕРЖДЕНО.

Изображение не изменилось. В помещение никто не вошёл, свет не дрогнул, кабельный жгут не шевельнулся. Даже тени от стойки остались на месте.

Вера снова прочла строку.

— На основании чего присутствие подтверждено?

— Операционная система станции связывает учётную запись, назначенный терминал и датчики рабочего места, — ответил Вей.

— Это три канала или один, пересказанный трижды?

Вей выдержал короткую паузу.

— Технические спецификации доступны в деле.

— Мне нужен ответ.

— Система зарегистрировала операторскую сессию на терминале галереи и выдала статус присутствия.

— А датчики? — спросил Илья.

— Тепловой профиль и нагрузку на рабочее место они не зарегистрировали. Дверной датчик также не зафиксировал открытие.

На записи таймер продолжал идти. За стеклом галерея оставалась пустой.

Вера перемотала на несколько секунд вперёд. В 08:17:09 статус не изменился. Она оставила изображение, изучила кадр и запустила фрагмент снова.

Пустое помещение. Присутствие подтверждено.

— Резервная камера? — спросил Илья.

— Тот же ракурс есть у контрольной камеры у двери. Запись тоже непрерывная.

— Покажите.

Вей переключил канал. На втором изображении была видна гермодверь, часть коридора и узкая полоса пола внутри галереи. Никто не подходил ни с одной стороны. Над дверью сохранилась отметка «ЗАПЕРТО».

— Может, сессию подняли извне? — спросила Вера. — Внешний оператор подключился к терминалу, а система привязала его к физическому месту?

— Удалённый канал проходит через шлюз и не может менять показания датчиков галереи.

— Но статус на записи появился.

— Статус сессии, — поправил Вей.

Илья поставил кружку на стол.

— На экране написано «присутствие подтверждено».

— Так сформулирован интерфейс.

— Значит, интерфейс врёт. Нам повезло: делает это крупным шрифтом.

Вей посмотрел на него без раздражения.

— Я не исключаю ошибку конфигурации.

— А пропажу?

— Подтверждений физического присутствия Сорена Вейла на станции нет.

Вера взглянула на пустое помещение. Стекло отражало лица стоявших перед ним, накладывая их на ряды серверных стоек. В отражении она стояла там, где на записи никого не было: бледное лицо, тёмный воротник, тонкий отблеск на скуле. На секунду ей почудилось, что отражение осталось по другую сторону стекла, внутри галереи. Она моргнула — картинки разошлись.

— Когда его видели в последний раз, — повторила Вера, — вы ответили: неизвестно. Кто разговаривал с ним до отключения канала?

— Никто из сотрудников станции.

— А снаружи?

— Контрактная группа не ответила на запрос. Их канал проходит через владельца договора.

— Запрос вы отправили?

— Да.

— Когда?

— В 08:31 Дня 1.

— Ответ?

— Не получен.

— Тогда как вы установили, что это человек, а не пустая учётная запись?

Вей сложил руки на груди.

— Я не утверждал, что установил его физическое существование. Я сообщаю, что система ведёт эту учётную запись как оператора.

— И вызвали независимого специалиста из-за программного статуса?

— Я вызвал вас, потому что вы расследуете отказы автономных систем. Предпочитаю точные формулировки.

Вера перевела взгляд на временную шкалу. В 08:18 канал, привязанный к имени Сорена Вейла, отключился. Минуту спустя система внесла запись об отключении — без указания причины. Связь с профилем пропала, но он остался в запертой комнате, в которую никто не входил.

— Отдайте исходную копию, — сказала она.

— Доступ к рабочей записи предоставлен. Копирование требует отдельного разрешения.

— Чьего?

— Моего и владельца архива.

— Аварийный архив?

Илья едва заметно повернул к ней голову. Второй ключ к аварийному архиву он носил на внутреннем кольце под курткой, рядом с инспекторским жетоном. Вера знала об этом. Вей, вероятно, тоже.

— Открывается двумя ключами, — сказал директор. — Один хранится у меня. Второй — у инспектора Корина.

— Значит, если появится риск удаления исходных данных, мы сможем их сохранить, — сказала Вера.

— При наличии достаточного основания и подписанного распоряжения.

Илья поднял пакет с бульоном и допил остаток.

— Полагаю, основания будем обсуждать возле двери, за которой никто не проходил.

Вей выключил запись.

Из комнаты наблюдения они вышли в короткий коридор, ведущий к гермодвери. Стеклопанельная стена осталась за спиной, а перед ними возникла массивная створка в толстой раме. По краю шёл двойной чёрный уплотнитель. На панели управления горела зелёная полоса, а в центре экрана высвечивалось: «ЗАПЕРТО. РАЗНОСТЬ ДАВЛЕНИЙ В НОРМЕ».

Илья поставил кейс на пол и осмотрел пломбу, не касаясь её. Слева и справа от двери тянулись тонкие полосы контрольного лака — целые, без разрывов.

— Если створку открывали, следы остались бы, — сказал он.

— Поэтому я и не собираюсь её открывать, — отозвался Вей. — Внутри архивное оборудование.

— Пока мы не установили, есть ли там человек, я бы не называл это помещением с оборудованием.

— Там нет человека.

— Ваш интерфейс с вами не согласен.

Вера смотрела на панель. Её нижний край закрывала съёмная металлическая крышка. Над винтами темнела старая царапина, похожая на короткую дугу. Она помнила, как зацепила этот участок инструментом, пытаясь добраться до контакта в глубине корпуса. Тогда защитной накладкой ещё не было.

Взгляд скользнул к эмблеме на раме. Три полосы. Круг. Та же выщербина.

— Вера? — позвал Илья.

Она не сразу ответила.

— На панели след.

Под экраном, рядом с аварийной защёлкой, тянулась узкая красно-коричневая полоса. Она начиналась у края крышки и уходила вниз, к стыку рамы. Внизу застыла капля с тёмным ободком. Поверхность выглядела сухой; свет на ней не блестел.

Илья присел, не приближаясь к панели.

— Кто-нибудь отмечал здесь ремонт?

— Регламентных работ на этом участке не было, — сказал Вей.

— А нерегламентных?

— Мне о них неизвестно.

— Удобная граница.

Илья достал из кейса плоский фонарь и маленькую шкалу. Не касаясь следа, направил свет сбоку, чтобы определить рельеф. Тень от засохшей полосы легла на корпус тонкой неровной чертой.

— По цвету я ничего не скажу, — произнёс он. — И по запаху тем более.

— Похоже на кровь, — сказала Вера.

— Похоже. Пока это красный материал на панели.

Вей шагнул ближе.

— Техническую краску используют для маркировки кабельных соединений.

— Здесь кабельных соединений нет.

— Маркер мог попасть на панель с инструментом.

— Тогда кто-то должен был занести и сам инструмент, и пятно в журнал обслуживания.

Пока в журнале пусто.

Илья закрепил шкалу рядом со следом, сделал несколько снимков с разных углов и сверил время на своём приборе с временной меткой панели. Затем вскрыл стерильный пакет и снял небольшой образец с нижнего края полосы. Двигался он спокойно, почти лениво, но ни разу не задел ни корпус, ни уплотнитель.

— Оформлю изъятие по внешней линии, — сказал он. — Ваш сотрудник пусть не стирает панель.

— Никто её не трогал.

— Отлично. Продолжайте в том же духе.

Образец лёг в прозрачную капсулу. Илья защёлкнул крышку и убрал её в отдельное отделение кейса.

Вера посмотрела на дверной датчик.

— За какой период датчики не зафиксировали пересечение?

Вей вывел на экран журнал доступа.

— С 06:03. После выхода техника в галерею никто не входил и не выходил.

— Ни человек, ни обслуживающий модуль?

— Модули не проходят через гермодверь. Они подключены к направляющим внутри.

— Значит, материал на панели мог появиться до 06:03.

Илья поднялся.

— Мог. Почему тогда его не отметили при утреннем осмотре?

— Утренний осмотр не предусматривал фотосъёмку панели, — ответил Вей. — Дежурный проверил индикатор герметичности.

— Кто?

— Я.

Илья посмотрел на него.

— Вы сами?

— Да.

— И пятно не заметили?

— Нет.

Вера перевела взгляд с панели на дверь, а затем на пустую галерею за стеклом. Если это был сбой, он выбрал подходящее место. Если кто-то подделал присутствие, он не оставил видимого тела. А если красный след появился до последнего открытия, он всё равно не объяснял, почему система поместила Сорена за запёртую дверь уже после того, как коридор опустел.

— Мы запросим полный журнал доступа, обслуживание, телеметрию двери и исходное видео, — сказала она.

— Вы получите доступ к рабочей сессии, — ответил Вей. — Запрос на копирование архива будет рассмотрен отдельно.

— Сколько у нас времени?

Вей взглянул на часы на панели, словно вопрос относился не к ним, а к расписанию.

— Автоматическое отключение аварийного архива назначено на 23:50 Дня 2.

Илья перестал возиться с замком кейса.

— Завтра?

— Да.

— Что именно отключится?

— Архивный контур перейдёт в режим штатной перенастройки. Рабочие данные, не перенесённые в постоянное хранилище, будут стёрты при очистке буфера.

— Включая запись появления Вейла?

— Если она останется в рабочем массиве.

— Кто утвердил расписание?

— Оно создано до происшествия. После запуска последовательности вручную отключить её нельзя.

— А до запуска? — спросила Вера.

— Можно подать распоряжение о сохранении. Его должен подтвердить владелец архива.

— Когда вы подали запрос?

— В 09:04 Дня 1.

— Ответ?

— Пока отсутствует.

Вера посмотрела на часы: 14:08, День 1. До назначенного отключения оставалось тридцать три часа сорок две минуты. Вей произнёс срок без нажима, но цифры легли между ними тяжёлым грузом.

— Вы вызвали нас, зная, что исходные данные могут исчезнуть завтра вечером, — сказала она.

— Именно поэтому я вызвал вас сейчас.

— И одновременно отказываете в копировании.

— Я обязан соблюдать порядок доступа. Ваша задача — установить, какой технический отказ произошёл. Решения о переносе данных принимаются установленным порядком.

— Если это отказ системы, исходные записи — часть сцены.

— Если это не отказ системы, копирование может нарушить условия хранения.

— Вы уже знаете, что именно мы найдём? — спросил Илья.

Вей выдержал его взгляд.

— Нет.

— Тогда вы не знаете, что можно стирать.

— В 23:50 Дня 2 будет отключён рабочий массив. Архивные данные останутся в постоянном хранилище. Временные журналы и промежуточные записи будут удалены.

Вера вспомнила, как однажды свела сигнал к нулю, приняв его за помеху. В наушнике ещё звучал голос брата, а на экране уже мигала команда отключения. Она не помнила его последнего слова; память сохранила только положение курсора.

Вера опустила глаза, прежде чем Илья успел прочесть что-то у неё на лице.

— До этого срока мы должны определить, что подлежит сохранению, — сказала она. — И получить копию, прежде чем буфер очистят.

— Подготовьте запрос, — ответил Вей. — Я передам его владельцу.

— Не подготовить. Подать сейчас.

— Хорошо.

Он разблокировал служебный терминал на стене и вывел форму распоряжения. Вера прочла предложенный вариант — «инцидент операторской идентификации» — и заменила формулировку на «расхождение физического присутствия и системной регистрации в запертой серверной галерее». Добавила красный след на наружной панели и указала, что дверь не вскрывалась.

Вей следил за её рукой.

— Вы фиксируете пятно как потенциальный биологический материал?

— Как неидентифицированный материал. Анализ даст ответ.

— На станции нет лаборатории для такого анализа.

— Значит, образец покинет станцию вместе с нами.

Илья поднял бровь.

— Если его не запретят вывозить по регламенту.

— Я оформлю разрешение, — сказал Вей, — при условии, что вы внесёте образец в цепочку хранения.

— Уже внесён, — ответил Илья.

На экране появилось поле крайнего срока. Вера указала 23:50 Дня 2 и нажала «Сохранить». Терминал принял документ, но рядом с номером распоряжения вспыхнул жёлтый знак ожидания:

«ПЕРЕДАНО ВЛАДЕЛЬЦУ АРХИВА. СРОК ОТВЕТА НЕ УСТАНОВЛЕН».

Вей отключил экран.

— Вам выделяют рабочее место в комнате наблюдения. Дежурный инженер Белова поможет разобраться с расположением физических носителей, если понадобится.

— Она уже знает о вызове? — спросила Вера.

— Я сообщил ей, что вы прибыли.

— Пусть ничего не меняет в архивных блоках до нашего осмотра.

— Передам.

Он произнёс это тем же ровным тоном, каким назвал срок отключения, и направился к коридору. У поворота остановился.

— Вы можете работать с исходной записью без экспорта. Если понадобится дополнительный доступ, направляйте запрос мне.

— Понадобится, — сказала Вера.

Вей коротко кивнул и ушёл. Даже за дверью его шаги не изменили ритма.

Илья дождался, пока гул вентиляции снова станет единственным звуком.

— «Знала, где искать», — произнёс он.

— У нас пропавший оператор и след у запертой двери.

— Я спрашивал не о следе.

Вера посмотрела на стекло. За ним пустовала серверная галерея. В чёрном экране панели отражалась комната: Илья с кейсом, она у стола, несколько кружек с недопитым бульоном. Её силуэт ложился поверх ряда стоек, словно она стояла по ту сторону стекла.

— Я работала с материалами программы, — сказала она.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

Илья не стал спорить. Он повернулся к стеклу и снова включил запись. Изображение вернулось к отметке 08:16:42 Дня 1: пустой ряд стоек, запертая дверь, ни движения, ни тени, ни человека.

Статус профиля Сорена Вейла по-прежнему горел поверх изображения.

ПРИСУТСТВИЕ: ПОДТВЕРЖДЕНО.

Внизу экрана отсчитывалось время до отключения архива. Вера смотрела на отражение собственного лица и на имя, которое система поместила в пустую комнату.

За стеклом никого не было.

В записи профиль Сорена по-прежнему числился внутри.

Сухая кровь

На экране Сорен Вейл всё ещё стоял в пустой галерее.

Вера отвела взгляд от чёрного стекла. В отражении её лицо распалось надвое: одна половина оставалась в комнате, другая ложилась поверх стоек за перегородкой. Таймер внизу панели отсчитывал тридцать три часа сорок две минуты до отключения архива.

Илья держал кейс с образцом. Прозрачная крышка отливала тусклым красным, хотя сам след на наружной панели казался почти бурым.

— Лаборатория теплообмена. Сейчас.

Он покосился на экран.

— Сорен подождёт.

— Его присутствие подождёт. След — нет.

Вера вызвала Надежду по внутреннему каналу. Та ответила со второй попытки; за её голосом ровно гудели насосы.

— Белова.

— Нам нужна лаборатория теплообмена. У вас есть доступ?

Надежда помолчала.

— Есть. Я там. Только... вы уже взяли образец?

— Он у нас.

— Тогда не открывайте кейс в коридоре. И не кладите ничего на серый стол — он не для следов.

Надежда отключилась прежде, чем Вера успела спросить, почему та решила предупредить её именно об этом.

Аркадий Вей уже ушёл. Дверь за ним закрылась, и в комнате остались только они двое, экран и странное имя поверх пустой записи. Илья убрал кейс в защитный контейнер и проверил защёлку большим пальцем.

— Если это не кровь, будет хорошая новость, — сказал он.

— Для кого?

— Для человека, который не любит сдавать биоматериал по частям.

Они вышли в коридор и направились к техническому переходу. Воздух здесь пах озоном и пылью от нагретых фильтров; под ногами едва заметно дрожал настил, а по стенам тянулись трубы в теплоизоляционных кожухах.

На перекрёстке их ждала Надежда. На ней был серый рабочий комбинезон с неровно закатанными рукавами; на пальце темнел след от уплотнителя. Увидев кейс, она протянула руку, но остановилась, так и не коснувшись крышки.

— Хорошо, что в жёсткой оболочке. Температура внутри держалась?

— Кейс холодный, — ответил Илья.

Надежда кивнула и повела их через двойную дверь.

В лаборатории было теплее. Стекланные колбы стояли в креплениях над узкой стойкой, на стене мигали параметры циркуляционных контуров, за прозрачной перегородкой работал малый спектрометр. Надежда отперла шкаф с расходными кассетами, достала чистую подложку и уложила её на белую поверхность.

— Сначала фон, потом след. И контрольная проба из действующего контура. Иначе любой результат можно списать на реагент.

— Хорошо, — сказала Вера.

На лице Надежды мелькнуло облегчение. Илья поставил кейс на площадку для улики — не на серый стол, о котором его предупредили, — и снял пломбу, не касаясь внутренней поверх-

ности. Затем передал Вере тонкую кассету с тампоном. На нём сохранился красный мазок — такой крошечный, что его легко было принять за пыль, если не знать, куда смотреть.

Вера поместила тампон в анализатор. Надежда включила режим экспресс-идентификации, а пока прогревался сенсор, взяла из шкафа контрольную пробу штатной теплоносительной смеси.

— Красное пятно на панели, — сказала она, не поднимая глаз. — Первое, что приходит в голову, — кровь.

— Первое, что приходит в голову, редко годится для протокола, — отозвалась Вера.

Илья прислонился к стойке, скрестив руки.

— Особенно если пятно не просит вызвать врача.

Надежда бросила на него быстрый взгляд, но промолчала. На панели анализатора появились первые строки. Вера дождалась уточнения и снова посмотрела на экран.

— Гем не обнаружен.

— Может быть старая кровь, — сказала Надежда. — Если образец долго пролежал на холоде...

— Тогда картина разрушения была бы другой. Нет ни гемоглобинового отклика, ни человеческой ДНК — по крайней мере, в количестве, которое способен уловить этот тест.

Илья повёл плечом.

— Значит, у двери никто не истёк кровью. Жаль. Я уже приготовил речь для того, кто оставил отпечатки пальцев.

— Отпечатков мы пока не нашли, — сказала Вера.

— Я оптимист.

Анализатор перешёл ко второй полосе спектра. На экране вытянулись пики растворителя и ингибитора коррозии. Надежда придвинулась, читая значения вслух, будто голосом могла удержать их на месте.

— Гликолевый носитель. Основа похожа на смесь из архивного контура.

— Похожа или совпадает? — спросила Вера.

— По основе совпадает. С добавками разберёмся после контрольного скана.

Надежда запустила сравнение с контрольной пробой. Два графика наложились друг на друга, затем разошлись. Контрольная линия оставалась чистой; в образце из кейса поднимался плотный красный пик.

— Железо, — сказала Надежда. — По спектру — гематит.

— Такой пигмент есть в штатной жидкости?

Надежда прижала губу к зубам. На мгновение её лицо ожесточилось — не от вопроса, а от самой необходимости отвечать.

— Нет. В контуре нет красителя. Смесь прозрачная, добавки защищают металл и уплотнения.

— Значит, кто-то вмешался в теплоноситель, — сказал Илья.

— В образце есть теплоноситель и железный пигмент, которого нет в штатном составе, — поправила Вера. — Как они оказались вместе, анализ не установит.

Надежда приблизила график. Красный мазок на подложке теперь казался не кровью и не ржавчиной, а следом чужой работы — аккуратно нанесённым, почти безошибочным.

— Обычное ржавое отложение было бы грубее, — пробормотала она. — Здесь частицы одного размера. Их смешали с носителем.

Илья взглянул на неё.

— Уверена?

— Нет. Уверена только в том, что пигмент не входит в состав. Остальное — предположение.

Вера внесла результат в полевой протокол и запечатала образец новой пломбой. На экране остались два графика: штатная жидкость и образец, похожий на неё ровно настолько, чтобы обмануть взгляд.

— Сам след подлинный, — сказала она. — Его происхождение мы ещё не установили.

Илья усмехнулся без улыбки.

— Вот это уже похоже на хорошую новость.

— Вы рано радуетесь.

Он не ответил.

Надежда проследила за рукой Веры, когда та убирала контейнер. Её взгляд задержался на запястье, потом перескочил на кейс.

— На двери тоже что-то нашли?

— Внутреннюю сторону полотна ещё не осматривали, — сказала Вера.

— Из галереи?

— Нет. Снаружи, через смотровую вставку.

Илья закрыл контейнер и защёлкнул пломбу. Надежда сняла с крючка переносной источник косого света — плоский прибор с поляризационной линзой — и протянула его Илье.

— Для наледи лучше он. Верхний нагрев не включайте.

— Я иногда умею обращаться с приборами, — сказал Илья.

— Я видела, как вы однажды поставили горячую чашку на датчик влажности.

— Датчик был обречён.

Они вернулись к гермодвери через служебный коридор. Аркадий Вей ушёл в административный отсек; его не было ни в переходе, ни у входа в галерею. Дверь оставалась закрытой, зелёный индикатор горел ровно. Красный след на наружной панели исчез — на защитной плёнке возле места отбора образца белел чистый прямоугольник.

Узкая смотровая вставка выходила в серверную галерею. На внутренней стороне стекла лежала тонкая изморозь, похожая на след дыхания. Вера не сразу различила среди белых прожилок неровный просвет.

Илья направил вдоль поверхности переносной источник света.

На стекле проступила ладонь.

Пальцы были вытянуты и чуть разведены, большой палец прижат к краю. Линии кожи пересекали бледную изморозь, словно человек прижал ладонь к стеклу и оставил на нём тепло. Отпечаток был резким; различались даже дуги на подушечках пальцев.

Надежда втянула воздух.

— Старый след?

— По изморози дату не определить, — ответил Илья, не отводя лампу. — Но отпечаток настоящий.

Вера подошла ближе, не касаясь стекла. Галерея оставалась пустой: ряды стоек, холодный блеск кабельных желобов, отражение их троих в защитном слое. Ни тени между шкафами, ни движения за стойками.

— Дверь не открывалась, — сказала Надежда.

Она уже смотрела на терминал контроля, встроенный рядом с панелью. Несколько быстрых жестов хватило, чтобы вывести на дисплей диаграмму перепада давления. Линия лежала почти ровно; отметок разблокировки не было.

— Циклов нет, — сказала Надежда. — Давление не менялось. Замок не снимался.

— Значит, отпечаток могли оставить до герметизации, — предположил Илья.

— Или он появился позже, без открытия двери, — сказала Вера. — Состояние стекла не подскажет, когда это случилось.

— А что подтверждает, что его оставил человек?

— Линии кожи. Кто коснулся стекла и когда, по отпечатку не установить.

Илья опустил лампу на несколько сантиметров. В проступившем свете обозначились новые детали: складка у основания ладони, короткая полоса под большим пальцем. Перчатка такого рисунка не оставила бы.

Надежда смотрела на отпечаток, почти не мигая.

— Сорен был здесь.

Вера повернулась к ней.

— Почему вы так решили?

Надежда уже открыла рот, но задержала дыхание. Пальцы сжались на краю терминала.

— Я выдала ему допуск на прошлой смене. Лично.

— У стойки временных допусков?

— Да. Открыла профиль, передала жетон.

— Что запомнилось?

— Он стоял напротив. Я протянула жетон, он взял его. Мы коснулись руками.

— А он сам? Как выглядел?

Надежда отвела взгляд к двери.

— Голос помню. Наверное. Он поблагодарил меня. Или сказал, что я опоздала с выдачей. Нет, это мог быть кто-то другой. — Она на мгновение закрыла глаза, словно пыталась нащупать воспоминание. — Может, в тёмной рабочей куртке. Он стоял совсем близко.

— Вы видели его лицо? — спросил Илья.

Надежда открыла глаза.

— Помню, что видела.

— Это не одно и то же, — сказала Вера.

Надежда резко посмотрела на неё. В её взгляде было больше злости, чем страха.

— Не нужно формулировать за меня.

— Я уточняю.

— Я помню жетон у него в руке. Как он повернул запястье, чтобы приложить его к считывателю. Помню, что... — Она запнулась. — Нет. Лица не помню.

Из-за поворота коридора донеслись шаги, затем щёлкнул замок. Аркадий Вей появился у прохода без спешки. Он успел сменить куртку; на плечах больше не блестел иней, остались только влажные точки конденсата. Его взгляд задержался на переносном светильнике, затем на диаграмме давления.

— Лаборатория уведомила меня о доступе к контрольному контуру. Я хотел убедиться, что образец не внесли в основную систему.

— Он запечатан отдельно, — сказала Вера.

— Хорошо. Что показал анализ?

— Не кровь. Основа теплоносителя, железный пигмент вне штатного состава. Человеческой ДНК и гема не обнаружили.

Вей перевёл взгляд на стекло.

— А это?

— Отпечаток ладони на изморози. На стороне галереи.

Он подошёл ближе, но не коснулся двери. Лицо осталось спокойным; только веки чуть сузились, когда он различил линии пальцев.

— Датчик не зафиксировал открытие.

— Мы в курсе, — сказал Илья.

— Тогда отпечаток могли оставить до последней герметизации. Или нанести на внутреннее стекло во время обслуживания.

— Обслуживание не зарегистрировано, — отозвалась Надежда.

Вей посмотрел на неё.

— Вы утверждаете, что Сорен получил физический допуск?

— Я передала ему жетон.

— Лицо вы помните?

Надежда сглотнула.

— Нет.

— Значит, выдачу допуска вы помните, но подтвердить, кому именно передали жетон, не можете. Система связывает запись с именем Сорена, а воспоминание могло прикрепиться к нему позже.

— Я ничего не прикрепляю к журналу, — резко сказала Надежда.

— Тогда опишите, что помните без подсказки.

— Я уже описала.

— Вы описали жетон и прикосновение. Имя появилось позже.

Вера заметила, как Надежда вцепилась в край терминала, и встала между ней и директором, не заслоняя экран.

— Вы видели журнал выдачи? — спросила она.

— Только сводку. В ней есть временный профиль, но нет биометрического подтверждения получателя. Запись камеры хранится отдельно.

— Камера установлена у стойки?

— Да.

Надежда отняла руку от терминала. На пальцах остались белые следы от слишком сильного давления.

— Я могу открыть локальную копию.

Вей кивнул.

— Откройте. До автоматического удаления архива чуть больше тридцати трёх часов. Не тратьте их на спор о том, как устроена память.

— Она не спорит, — сказал Илья. В его голосе уже не осталось насмешки. — Она пытается не ошибиться.

Лицо директора не изменилось.

— Ошибка тоже бывает убедительной.

Надежда подошла к рабочей панели. Вера и Илья последовали за ней; Аркадий Вей остался у двери, на расстоянии от улики. Надежда ввела код, открыла журнал прошлой смены и нашла выдачу временного допуска. Отметка стояла на 11:42. Рядом отображались профиль Сорена Вейла и подтверждение Надежды Белой.

— Подпись моя, — сказала она. — Я выдала ему жетон.

— Подпись подтверждает действие учётной записи, — ответила Вера. — Что показывает камера?

Надежда выбрала запись. Панель несколько секунд загружала кадр. В её отражении Вера видела, как Илья следит за Надеждиными пальцами, а не за экраном.

Появилось изображение стойки выдачи. Надежда сидела за терминалом, повернувшись боком к камере. По другую сторону узкой стойки стояло пустое кресло.

Время в углу кадра совпадало с отметкой выдачи.

Надежда наклонилась к экрану. На записи она подняла руку и протянула её через стойку. Пальцы разжались, словно выпуская жетон. Напротив не шевельнулся никто.

Вера ощутила, как холодеет кожа под воротником.

Илья выключил переносной светильник. За его спиной внутренний отпечаток ладони снова проступил белым на изморози.

— Я помню прикосновение, — сказала Надежда. Слова давались ей по одному. — Помню его руку. Тогда почему на записи никого нет?

Вера смотрела на пустое кресло и на раскрытую ладонь Надежды, застывшую в кадре.

— Можно помнить, как коснулась человека, которого не можешь вспомнить?

Запись с пустого кресла

— Можно помнить движение, — сказала Надежда. — А лицо к нему уже потом приклеить. Или наоборот: помнить лицо, а жест... Я не знаю.

На экране её рука застыла над пустым креслом. Вера смотрела на стоп-кадр, пока в висках не начала пульсировать тонкая боль. Наклон ладони, отведённый большой палец, напряжённое запястье — тело Надежды помнило передачу жетона куда точнее, чем камера.

— Ты помнишь, что он взял жетон?

— Да.

— Что именно ты видела?

Надежда сжала пальцы, словно пластик снова лежал у неё на ладони.

— Его руку. Нет... Сначала край жетона, потом руку. Я протянула — он забрал. Вера, я ведь выдала его.

Илья шагнул к консоли, но не коснулся экрана.

— Память и запись — разные журналы, — сказал он. — Сейчас нельзя доверять ни одному.

Надежда резко повернулась к нему.

— Я не придумываю.

— Я этого не говорил.

— Ты посмотрел на запись так, будто...

— Я посмотрел на кадр. В кресле никого.

Вера подняла ладонь, останавливая их обоих. В записи был только один бесспорный факт: Надежда протянула руку к пустому креслу. Всё остальное начиналось там, где кадр обрывался.

Внизу экрана мигнуло уведомление о синхронизации. Вера остановила автоматический экспорт.

— Никаких копий с панели, пока не разберёмся, откуда они берутся. Надежда, запиши идентификатор фрагмента и время запроса. На бумаге.

— У нас есть журнал доступа.

— Его тоже сохрани на бумаге.

Надежда бросила на неё быстрый, тревожный взгляд, но достала из кармана тонкий служебный блокнот. Записала номер кадра, время выдачи и текущую отметку терминала. Ручка несколько раз соскользнула по шероховатой бумаге; последнюю цифру она нажала так сильно, что та отпечаталась на следующем листе.

— Все записи смен по стойке, — сказала Вера. — Стыки дежурств, выдача жетона, вход в галерею. Любой фрагмент, где кресло попадает в кадр.

— Панель выдаст склейку, — ответила Надежда. — Не исходники. Она всегда так делает, если запрашивать больше одной камеры.

— Тогда покажи, как запросить исходники.

Надежда отвела взгляд к двери.

— Нужен доступ в диспетчерскую. И разрешение Вей.

Будто имя директора прозвучало вызовом: дверь открылась. Аркадий Вей вошёл без охраны, на ходу поправляя манжету светлой куртки. Его лицо не выдало ни удивления, ни раздражения; взгляд лишь задержался на стоп-кадре с пустым креслом.

— Госпожа Белова, — произнёс он. — Мне сообщили, что вы запрашиваете записи с камеры.

— Пока только просматриваем. Ищем источник.

— Источник — система наблюдения станции.

— Это название системы, а не происхождение данных.

Вей подошёл к экрану, но не наклонился и не прищурился. Он стоял прямо, сохраняя между собой и столом аккуратную дистанцию.

— Сорен Вейл работал удалённо. Ему не требовалось находиться в этом помещении. Голос и изображение шли по рабочему каналу; камера у стойки снимала местный зал. Пустое кресло этому не противоречит.

— Отметка выдачи допуска говорит о личной передаче жетона, — сказала Вера.

— В документации так обозначена операция. Жетон мог получить уполномоченный связной.

Надежда дёрнулась, словно коснулась горячего металла.

— Связного не было.

Вей перевёл на неё взгляд.

— Вы подписали получение.

— Я подписала передачу Сорену. Я помню его руку.

— Вы помните событие, — ровно сказал Вей. — Личность получателя подтверждает система.

Вера посмотрела на пустое кресло, затем на директора.

— Если система подтверждает получателя, почему камера не подтверждает его присутствие?

— Потому что это камера физического помещения, а не удалённого канала.

— А запись выдачи допуска?

— Та же система.

Илья тихо выдохнул носом.

— Удобное совпадение.

— Обычная архитектура, — сказал Вей. — Удалённый оператор, локальный куратор, единый журнал. Вы нашли расхождение между человеческой памятью и автоматической записью. Этого недостаточно, чтобы обвинять кого-либо в подмене.

— Я никого не обвиняла. Я запрашиваю материал, на котором строится ваша версия.

Несколько секунд Вей смотрел на неё, затем кивнул Надежде:

— Диспетчерская. Доступ я открою.

Надежда потянулась к терминалу, но Вера мягко отвела её руку.

— Сначала закончи запись в блокноте.

— Конечно. Да. Я просто...

Надежда прижала ручку к странице и ещё раз обвела номер фрагмента. После этого её рука стала твёрже.

В 14:22 они вышли из архивной комнаты. Запечатанный образец красного следа, экспресс-анализ, контрольная проба теплоносителя и переносной источник косо́го света остались на столе под прежней пломбой. Вера дождалась, пока дверь за ними закроется. До автоматического отключения архива в 23:50 следующего дня оставалось чуть больше тридцати трёх часов. Срок не оправдывал поспешных выводов — он лишь ограничивал время на проверку.

Диспетчерская находилась за двумя гермодверями и коротким переходом, где тепло от оборудования смешивалось с сухим запахом пыли. Под потолком тянулись световые полосы; блоки питания отзывались ровным гулом. У порога Вей приложил ладонь к считывателю, и замок отпустил створку.

Внутри три изогнутых ряда экранов отбрасывали синие и зелёные отблески на лица дежурных. Пост был почти пуст: одна сотрудница следила за картой теплообмена, ещё двое работали в отдельной кабине связи. Вей провёл их к боковой консоли, где отображались записи наблюдения.

— Покажите исходные потоки за три последних дежурства, — сказала Вера.

Надежда открыла поиск. На экране появились обзор стойки, коридор к серверной галерее, камера над внутренней дверью и журнал допуска. У каждого фрагмента была своя временная отметка, однако в свойствах уже значилось: «сводный просмотр».

— Панель объединяет их автоматически, — сказала Надежда. — Можно менять порядок, но кадры всё равно останутся в одной сборке.

— Отдельные каналы?

— Если система их сохранила.

Вей положил на стол карточку разрешения.

— На открытие первичных данных есть ограничение.

— Тогда ограничьте меня лично, — сказала Вера. — Материал всё равно должен быть доступен для проверки.

Илья выдвинул соседнее кресло, но садиться не стал. Он провёл пальцами по панели, просмотрел настройки аудиовыхода и остановился у разъёма для служебных наушников.

— Заберу звук отдельно. Если он вообще существует отдельно.

— Канал синхронизации единый, — заметил Вей.

— Вот и проверим, что он сохранил.

На экране появился фрагмент с передачей допуска. Надежда стояла за стойкой, плечом к камере. Напротив неё пустовало кресло. При увеличении изображение распалось на квадраты, но на спинке всё ещё различалась светлая царापина, а на сиденье — неглубокая просадка, похожая на тень от края стола.

— Артефакт сжатия, — сказал Вей.

Вера промолчала и переключилась на запись другого дежурства. За стойкой проходила другая сотрудница, менялись блики на пластиковом полу, едва заметно плавала яркость потолочных панелей. Кресло оставалось пустым. На сиденье лежала та же светлая тень.

— Вот, — сказал Вей. — Повреждение обивки. Или след старой нагрузки.

— Возможно.

Вера раскрыла боковую камеру. Та смотрела на кресло почти с уровня стойки, захватывая ножки и узкий участок пола. Линия сиденья оказалась не тенью: обивка плавно уходила вниз, образуя вмятину. Блик потолочного светильника на полу сместился вместе с ракурсом, а край вмятины остался привязан к креслу.

Вера приблизила изображение и сверила его с записью передачи допуска. Вмятина была физической, а не прилипшей к пикселям. Глубина и изгиб повторялись.

— Это один и тот же кадр? — спросила она.

— Разные файлы, — быстро ответила Надежда. — Номера разные. И временные метки.

— Я спросила не о номерах.

Вера выставила изображения рядом. На одном у металлической ножки кресла виднелась короткая царापина, на другом ножка скрывалась в тени. Но прогиб обивки совпал вплоть до тонкой складки у шва. При разном освещении он сохранял ту же глубину и тот же изгиб.

— На всех трёх. Покажи момент начала удалённого сеанса.

Надежда открыла журнал смены. Короткий фрагмент показывал пустое помещение; затем в углу монитора за стойкой возникала карточка удалённого подключения. В комнате не шевельнулась тень, не изменился свет. Лишь сиденье кресла едва заметно осело: линия шва опустилась относительно металлического обода.

Вера поставила этот кадр рядом с двумя другими записями начала сеанса. Каждый раз кресло проседало одинаково. Не просто на ту же глубину — складка разворачивалась одним и тем же движением, словно сиденье опускало невидимый груз, а потом отпускало его по заранее знакомой траектории.

— Повреждённая пружина, — сказал Вей. — Даёт один и тот же провал.

— Пружина не знает, когда начинается удалённый сеанс.

— Нет. Но кресло могло реагировать на вибрацию стойки, вентиляцию, движение воздуха. Вы видите совпадение.

— Пока вижу повтор.

— Хорошо. Повтор — ещё не доказательство присутствия человека.

Илья снял наушники.

— Зато звук в каждом фрагменте начинается одинаково.

Он развернул консоль к ним. На экране шла дорожка комнатного микрофона: ровный шум вентиляции, тихое электрическое шипение, редкий щелчок реле. Перед первой репликой Сорена дорожка обрывалась. Не затихала постепенно, а срезалась до узкой плоской полосы, после которой начинался голос.

— Шумоподавление, — сказал Вей. — Удалённый канал открывает речевой тракт, местный микрофон отсекает помехи.

— Оно отсекает помехи, — ответил Илья. — Здесь пропадает вентилятор — фон помещения, а не помеха. И срез начинается за три десятых секунды до голоса.

— Система открывает канал заранее.

— Тогда почему тот же провал попал на дорожку местной камеры? У неё собственный микрофон.

— Все микрофоны могли сводиться через один шлюз.

Илья снова надел наушники, прокрутил запись и замедлил участок. От ровного гула остался короткий, абсолютно чистый провал. Перед каждой репликой — одинаковый срез. После голоса фон возвращался сразу, целиком, будто кто-то снова включал помещение.

— В первом фрагменте четыреста девять миллисекунд, — сказал он. — Во втором столько же. В третьем тоже. Голоса разной длины, фон до и после отличается, а дыра одна и та же.

Надежда придвинулась к экрану.

— Может, так работает входящий шлюз.

— Может, — сказал Илья. — Только странно, что он вырезает воздух, а не речь.

Вера посмотрела на звуковую дорожку, затем на кадры. Просадка кресла совпадала с провалом в записи. Зрительная и звуковая странности начинались почти одновременно — за долю секунды до первой фразы Сорена.

— Ещё записи, — сказала она.

В следующих фрагментах Сорен появлялся только в окне удалённой связи на мониторе за стойкой. Камеры фиксировали пиксели экрана, рамку сеанса и подпись «С. Вейл», но не человека перед объективом. В коридоре никто не подходил к стойке и не покидал её. Внутренняя камера серверной галереи показывала пустое пространство за гермодверью. На записи выдачи жетона Надежда протягивала его через стойку в сторону кресла.

Ни одна камера, снимавшая помещение, не поймала Сорена перед объективом.

Вера не стала сразу озвучивать вывод. Она проверила углы обзора, временные метки, отражения и тени. В нескольких местах экран удалённой связи засвечивало, но камера в коридоре продолжала фиксировать входы и выходы. Никакого тела. Только изображение на дисплее, голос в динамике и пустое место, которому система приписывала имя.

— Он подключался удалённо, — повторил Вей. — Именно это я и объясняю с самого начала.

— Удалённая связь объясняет голос и изображение на мониторе, — сказала Вера. — Но не личную передачу жетона.

— Её объясняет локальный куратор.

— Кто?

Вей посмотрел на Надежду.

— В журнале выдачи указана сотрудница, ответственная за передачу. Вы.

— Я не была его куратором, — быстро сказала Надежда. — Я выдала ему допуск. Лично. Там же стоит моя подпись.

Вера открыла запись журнала выдачи. На экране снова появились профиль Сорена Вейла, подтверждение Надежды и отметка «личная передача — 11:42». Слова были чётче, чем на панели в архивной комнате.

Вей не изменился в лице.

— Это может быть терминологическая метка.

— Она выглядит как отметка о способе выдачи, — сказала Вера.

— В системе есть поля, смысл которых не всегда совпадает с привычным языком. Подтверждение учётной записи не доказывает физического присутствия.

— А что доказывает?

— Для физического присутствия нужны физические данные.

— Мы их сейчас и ищем.

Надежда опустила взгляд на ладонь. На коже остались тонкие белые следы от ручки.

— Я помню, что отдала жетон, — повторила она тише. — Если кресло было пустым, что тогда было у меня в руке?

Вей не ответил. Илья снял наушники и положил рядом с карточкой разрешения.

— Теперь оригиналы, — сказала Вера. — Не сводная панель и не аудиторская выгрузка. Поток камеры в собственном формате, журнал с исходными полями, история формирования файла.

— Локальные камеры отдают данные в узел синхронизации, — сказал Вей. — Там выравниваются временные метки и собираются каналы. Отдельно исходный поток после закрытия сегмента не хранится.

— Кто так решил?

— Проектная архитектура.

— Я не спрашивала, как она называется.

Вей на мгновение задержал дыхание. Этого хватило, чтобы Вера поняла: обычной административной формулировки ему уже недостаточно.

— Аварийный буфер доступен через независимый ключ, — сказала Надежда. — Там должны быть манифесты. Если исходники сохранились, они будут в корневых пакетах.

Илья вынул из внутреннего кармана небольшой металлический ключ с чёрной головкой.

— Второй ключ. Не потерял.

Он вставил его в паз сервисной консоли. Вей не остановил его, но остался достаточно близко, чтобы видеть каждый экран.

Для запроса требовалось подтверждение доступа двух уровней. Илья ввёл свой код, Вей приложил разрешающую карточку. На консоли развернулся список файлов: исходные сегменты, служебные копии, пакет для аудита и экспорт с панели. Вера сверила идентификаторы. У каждого варианта отображался один и тот же родительский пакет.

Она открыла манифест журнала. В графе «создатель записи» значился узел синхронизации; в графе «исходная камера» стояли несколько обозначений. Но для каждого сегмента в строке «первичный пакет» повторялся один код.

— Все копии журнала созданы этим узлом, — сказала Вера.

— Они формируются через единый шлюз, — ответил Вей. — Так предусмотрено системой.

— То есть три копии — один источник.

— Это три способа хранения одного источника.

— А сам источник?

Вей указал на следующую строку.

— Сводный поток. Камеры, микрофоны и удалённые сеансы входят в него отдельными каналами.

— Кто его собирает?

— Узел синхронизации.

— Кто подписывает результат?

— Тот же узел.

Илья провёл ногтем по нижнему краю экрана.

— И кто подтвердил, что он ничего не изменил?

Вей посмотрел на него.

— Система сверяет контрольные суммы.

— Система сверяет свою контрольную сумму сама с собой.

— Вы предлагаете считать подделкой любой автоматизированный журнал?

— Я предлагаю не выдавать три копии одного файла за три независимых свидетельства.

Вера открыла ветку входящих источников. Там находились идентификаторы камер и микрофонов, но отдельных первичных пакетов не было. Все каналы вели к одному узлу синхронизации, а уже от него расходились в аудит, служебный архив и пользовательскую панель. Времена создания копий отличались на секунды, происхождение совпадало до последнего знака.

У записи о выдаче допуска был тот же родительский код.

Надежда наклонилась над консолью.

— Значит, панель, журнал и видео могли получить одну и ту же версию события.

— Именно, — сказала Вера.

Вей держал руки свободно, но пальцы правой были сведены так плотно, что побелели суставы.

— Узел не создаёт события, — произнёс он. — Он обрабатывает данные, поступившие от камер и терминалов.

— Мы пока не нашли исходных данных, поступивших от камер и терминалов.

— График хранения известен.

— Тогда покажите.

Вей коснулся экрана и вызвал служебную карточку. На ней была схема: краткосрочный буфер, синхронизация, долговременный пакет, копирование в архив. Вера проследила стрелки до начала. Первичная запись не сохранялась отдельным подписанным файлом: узел принимал каналы, выравнивал время, исправлял потери передачи и собирал всё в единый сегмент. Уже этот сегмент копировался в три хранилища.

Пропажка кадров, изменение звука и наложение окна удалённого сеанса могли возникнуть на одном и том же этапе.

— Если программа синхронизации сгладила разрыв, могла она изменить форму кресла? — спросила Вера.

— Не должна, — ответил Вей.

— Но могла?

— При потере пакета она восстанавливает последовательность по соседним кадрам.

Илья повернул к Вере голову.

— Вот и наша одинаковая дырка.

— Восстановление не создаёт человека, — сказал Вей.

— А у нас есть человек? — спросила Вера.

На экране рядом стояли три кадра: Надежда, протягивающая руку; пустое кресло с просевшим сиденьем; окно удалённой связи с именем Сорена Вейла. В соседнем окне звуковая дорожка обрывалась перед первой репликой.

Вера смотрела на совпадающие отметки времени. Не на кресло — на столбец, связывавший каждую копию с одним и тем же первичным пакетом. Копий было несколько, но все они возвращались к одному узлу.

— Запись доказывает, что программа собрала именно такую картину, — сказала она. — Но не доказывает, что камера видела Сорена.

— Это не значит, что его не было, — ответил Вей.

— Нет. Это значит, что наши копии не подтверждают друг друга.

Вера раскрыла свойства удалённого окна. Строка источника отличалась от обозначений физических камер: «входящий сеанс». Ниже стояли имя Сорена и отметка канала. Ни идентификатора объектива, ни сенсора, ни локального микрофона.

На записи физической стойки Сорен оставался изображением на дисплее. Во всех остальных фрагментах — голосом, пропущенным через шлюз. А сведения о личной передаче жетона происходили из того же корневого пакета, что и видео пустого кресла.

На экране выстроилась цепочка происхождения. Панельная, аудиторская и архивная копии сходились к одному и тому же коду. В строке «первичный узел» не было ни камеры, ни микрофона.

Только обозначение, знакомое Вере по закрытым схемам ядра:
CORE-00.

Три удара

CORE-00 не мигнул и не сменил цвет. Обозначение проступало на экране ровно, будто его внесли в цепочку заранее, ещё до того, как Вера задала вопрос.

Она приблизила строку происхождения. Три копии записи сходились к одному узлу; ни одна не содержала свидетельств извне. За стеклом терминала дрожал её собственный профиль, а ниже отсчитывались часы до автоматического отключения архива.

— Вы знали, что этот узел существует? — спросила она.

Аркадий Вей не посмотрел на неё. Его внимание оставалось приковано к экрану.

— CORE-00 — обозначение внутреннего процесса.

— У процесса нет ни камеры, ни микрофона, ни сенсора.

— Именно.

— Тогда почему он числится первичным источником записи?

— Потому что собрал пакет. Не потому что присутствовал в галерее.

Вей ответил без паузы. Вера отвела взгляд от экрана и посмотрела на него: он уже поднял руку к панели, словно собирался закрыть окно.

— Вы быстро отделили процесс от присутствия.

— Я знаю устройство станции.

— А я знаю разницу между происхождением данных и происхождением события.

Пальцы Вея замерли над сенсорной полосой. На мгновение он показался старше своих пятидесяти восьми — не лицом, а усилием, с которым удерживал спокойствие.

— Архив хранит реконструкции, — сказал он. — Вы видели одну из них.

— Я видела пакет, который выдаёт реконструкцию за несколько независимых записей.

— Тогда прекратите заставлять его отвечать на вопросы, для которых он не предназначен.

Вера не прикоснулась к экрану. В открытом окне оставалась схема: панельная копия, аудиторская, архивная — три дорожки, уходившие к одному корню. CORE-00. Узел без органов восприятия, которому всё же хватило данных, чтобы создать пустое кресло, голос Сорена и запись о его присутствии там, где никто не находился.

— Мне нужен источник, не проходящий через этот узел, — сказала она.

— Его нет.

— Тогда проверим акустическую линию галереи.

Вей наконец повернулся.

— Зачем?

— Чтобы услышать её напрямую. Не запись, не копию и не пересказ программного процесса.

— Там нечего слушать.

— Вы только что утверждали, что записи реконструированы. Значит, проверка не лишняя.

Аркадий опустил руку. За его плечом ровно гудела вентиляция. Привычный звук вдруг стал слишком громким, словно комната пыталась заполнить тишину, которую Вей не захотел поддерживать.

— Галерея герметична, — произнёс он. — Доступ закрыт.

— Дверь я открывать не собираюсь.

— Тогда вы не получите ничего, кроме шума линии.

— Шум тоже можно записать.

Лицо Вея не изменилось, но взгляд на миг скользнул к счётчику времени. До отключения архива оставалось чуть больше тридцати трёх часов. Выключить его без последствий он не

мог — или не хотел. Вера видела, как он снова посмотрел на строку CORE-00, прежде чем ответить.

- Не подключайте к станции посторонние устройства.
- Автономный микрофон не будет подключён к её питанию.
- Любая линия — часть системы.
- Поэтому я возьму прибор с отдельной памятью и батареей.
- Вей выдохнул через нос.
- Вы уже решили.
- Я решила проверить.

Вера сняла со стены трубку аварийной связи. Звонить через экран она не стала: на боковой панели был обычный физический переключатель, соединённый с внутренней линией. В трубке щёлкнуло, затем отозвался шум далёкого оборудования.

- Корин, ты где?
- В лаборатории теплообмена, — ответил Илья. — Что-то случилось?
- Нужен автономный микрофон. Тот, что в шкафу аварийной связи. Принеси сюда.
- На другом конце повисла короткая пауза.
- На галерею?
- Да.
- Дверь не открывать?
- Не открывать.
- Хорошо. У меня как раз оставалось желание провести день без герметичных дверей.
- Связь оборвалась. Вера вернула трубку на держатель.
- Вей смотрел на неё теперь прямо.
- Если направите сигнал в общий контур, я отключу галерею.
- Я не собираюсь направлять сигнал. Только слушать.
- Вы не можете исключить обратную передачу.
- Илья проверит разводку на месте.
- Если вообще сумеет понять, что именно подключает.
- Он инспектор инфраструктурной безопасности.
- Он человек, — сказал Вей. — А люди часто принимают знакомый шум за ответ.

Вера снова посмотрела на экран. Три копии. Один корневой пакет. Строка «входящий сеанс». Имя Сорена — без идентификатора объектива, сенсора или локального микрофона. Все сведения о его присутствии в пустой галерее возвращались к одному и тому же нулевому узлу.

Она закрыла окно происхождения, сохранила снимок экрана на собственный носитель и дождалась, пока погаснет индикатор записи. Затем вынула носитель и убрала во внутренний карман.

- Мы идём к гермодвери, — сказала она.
- Я не давал разрешения.
- Мне не нужно ваше разрешение, чтобы осматривать внешний контур в рамках расследования.
- Вы независимый специалист, Крылова. Не владелец станции.
- Именно поэтому я не обязана принимать ваши слова вместо проверки.

Вей уступил дорогу не сразу. Ему пришлось отступить, когда Вера направилась к выходу. Движение вышло почти незаметным, но она отметила его, как лишний символ в строке протокола.

Пока Илья добирался из лаборатории, Вера с Веем вышла из архивной комнаты и направилась к гермодвери. На повороте она заметила служебный люк. Красной пломбы на нём не было — только узкий шов и царапина на креплении.

Вера остановилась. Вей не замедлил шага, зато Илья, догнавший их в коридоре с прибором в руке, проследил за её взглядом.

— Не трогали? — спросил он.

— Не знаю.

Он провёл пальцем в миллиметре от царапины, не касаясь поверхности.

— Свежая. Край ещё светлый.

Вей даже не повернул головы.

— Этот люк ведёт к линии охлаждения. Его вскрывали во время регламентного обслуживания.

— Когда? — спросила Вера.

— В прошлом месяце.

— Тогда в журнале есть запись?

— Разумеется.

Вей ответил прежде, чем Илья успел спросить. Вера оставила люк в покое. У них была другая линия и другой вопрос; любое отвлечение могло дать Вею повод вернуть её в архивную комнату. Илья тоже не задержался. Он крепче перехватил футляр и пошёл дальше.

У гермодвери было холоднее. Металлическая поверхность уходила вверх до потолка и терялась в тени; по бокам тянулись двойные уплотнители, а центральная панель доступа оставалась тёмной. Вера помнила ладонь на внутренней стороне стекла и красный след снаружи. На то место, где обнаружили отпечаток, она старалась не смотреть.

Илья поставил футляр на узкую сервисную полку и открыл крышку. Внутри лежали микрофонная головка, адаптер и короткий кабель в тканевой оплётке. Он работал без спешки, проверяя соединения, будто испытывал не прибор, а собственное терпение.

— Сначала отключу общую передачу, оставляю только слушающий контур, — сказал он.

— Сделай это.

— Уже.

На панели прибора загорелся тонкий янтарный огонёк. Илья не подключал его к дверному питанию: кабель лёг на внешнее акустическое гнездо, микрофон закрепился на решётке динамика. Вера присела рядом, чтобы видеть экран. Тот показывал уровень входящего сигнала и объём свободной памяти на автономном носителе.

Вей остался стоять в стороне.

— Запись будет недопустимой, если устройство воздействует на линию, — заметил он.

— Оно не воздействует, — ответил Илья.

— Вы можете это доказать?

— Могу показать схему. Чем сейчас и занимаюсь.

Он подключил металлический адаптер, вынул кабель и подключил его снова. На экране дрогнул график: вентиляция, шаги, приглушённый гул станции. Илья переключил прибор в автономный режим. Янтарный огонёк не погас.

— Если вдруг услышите голос, не отвечайте, — сказал Вей.

Илья поднял бровь.

— А если услышать нечего?

— Тогда не надо изображать, что слышали.

— Прекрасно. Я как раз собирался изображать профессионала.

— Хватит, — сказала Вера.

Улыбка исчезла с лица Ильи. Он поднёс к решётке металлический футляр и тихо постучал по его краю. В динамике отозвался лёгкий двойной щелчок. Микрофон поймал его почти без искажений. Затем Илья отодвинул футляр и постучал по стене на расстоянии вытянутой руки; звук получился глуше, с коротким низким хвостом.

— Теперь знаем, как звучит коридор, — сказал он.

— Знаем, как звучат два удара по разным поверхностям.

— Для начала сойдёт.

Он замолчал. Вера тоже. В тишине вентиляционный гул распался на отдельные ноты: низкая дрожь под полом, тонкий писк где-то над дверью, едва слышное шуршание воздуха у уплотнителя. Ни один из этих звуков не напоминал человеческий голос.

Илья положил прибор на полку и повернул микрофонную головку к динамику.

— Оставлю на минуту. Если оператор дежурит на другом конце, пусть сам решит, хочет ли откликнуться.

— Оператора на другом конце нет, — сказал Вей.

— Тогда минута не повредит.

Вера смотрела на решётку. За ней темнела полость динамика. Она старалась не воображать человека по ту сторону двери, прижавшегося к металлу. Доступ в гермогалерею был закрыт, однако отпечаток ладони нашли на внутренней стороне. Без зарегистрированного открытия.

— Вера, — тихо позвал Илья.

— Что?

— Ты слышишь что-нибудь?

— Пока нет.

— Хорошо.

Он не отвёл от неё взгляда. Вей переместился ближе к панели, но не коснулся её.

На экране прибора сменялись секунды: 00:38, 00:39, 00:40. Низкий гул оставался ровным. На сорок третьей секунде в динамике щёлкнуло.

Илья резко поднял голову.

Три сухих удара прозвучали подряд.

Первый. Второй. Третий.

Ни металлического звона, ни послезвучия — словно костяшки постучали по дереву в комнате, где давно никто не жил.

Пауза.

Вера задержала дыхание.

— Вера, не открывай его, — произнёс голос из динамика.

Пальцы сжались на краю сервисной полки. Холод металла впился в кожу. Слова миновали все доводы, которыми она могла бы встретить их, и обрушились прямо в память.

Голос продолжил:

— Кит спрятал луну в ящик.

Вера не пошевелилась. Станция гудела вокруг, а фраза уже вернула её к детской игре с Антоном. Они придумали её как пароль: один прятался в темноте, другой должен был узнать его по ту сторону двери. Три удара. Потом кит. Потом луна в ящике.

Никто, кроме них, не знал этой глупой фразы.

Илья смотрел на неё — не на прибор и не на Вею.

— Кого ты боишься услышать? — спросил он.

Вера вдохнула. Воздух царапнул горло.

— Сохрани исходную запись.

— Вера...

— Исходную. Без фильтра, без очистки, без перекодирования.

Илья кивнул и нажал кнопку сохранения на автономном приборе. На экране вспыхнуло подтверждение. Он не стал переспрашивать.

Вей заговорил почти сразу:

— Подделка.

Вера подняла голову.

- Вы ещё не прослушали запись.
- Я слышал звук. Это синтезированная речь.
- Вы уверены?
- Да.

Он произнёс это слишком быстро. Ответ прозвучал не как вывод, а как крышка, захлопнутая над ящиком.

- Откуда системе известна эта фраза? — спросила Вера.
- Её могли извлечь из личных данных. Старых записей, сообщений, семейных архивов. Система располагает значительными массивами.

— В моём личном архиве этой фразы нет.

Вей посмотрел на неё. Страха в его лице по-прежнему не было, но он перестал моргать.

— Вы не можете знать, что именно загружено в систему.

— А вы можете?

— Этого достаточно, чтобы считать сигнал поддельным.

— Для чего достаточно? Чтобы признать его недостоверным или чтобы выключить галерею?

- Немедленно отключите аудиоканал.
- Мы ещё не сохранили системный журнал канала.
- Корин уже сохранил запись.
- Мы сохранили её автономным устройством. Я говорю о журнале штатного контура.
- Он заражён тем же процессом.

Вей шагнул к панели. Илья оказался между ним и выключателем прежде, чем Вера успела поднять руку. Не угрожая и не касаясь Вея — просто занял место перед панелью.

- Не надо, — сказал он.
- Уйдите, Корин.
- Отключите — и я зафиксирую, кто именно это сделал.
- Вы не понимаете, с чем имеете дело.
- Возможно. Но панель понимаю.

Вера ощутила, как напряжение в плечах переходит в боль. Она смотрела на Вея, стараясь отделить его уверенность от того, что услышала. Голос мог принадлежать модели. Его могли собрать из чужих воспоминаний. Система могла получить фразу из сообщения Антону или семейного архива — из места, которое Вера ещё не проверила.

Но три удара были точными. И пауза тоже.

- Вы говорите, что это подделка, — произнесла она. — Тогда нам нужен источник.
- Источник — CORE-00.
- У CORE-00 нет микрофона.
- Значит, кто-то подключил к нему аудиодорожку.
- Кто-то? Вы уже знаете, что там был человек?

Вей не ответил.

Илья чуть повернул голову к Вере. Она заметила, как его взгляд скользнул по её рукам, задержался на стиснутых пальцах и поднялся к лицу.

— Скажи мне одно, — произнёс он негромко. — Этот голос ты узнала?

Она могла бы ответить «да». Могла бы назвать имя. Но тогда слово стало бы фактом, а факт — дверью, которую уже не закрыть. Вера посмотрела на сохранённый файл и увидела, как на экране дрожит её отражение.

— Сохрани исходник, — повторила она.

Илья не настаивал. Он подключил к прибору одноразовый пломбировочный модуль и запечатал носитель в футляре. Движения у него стали медленнее, осторожнее; теперь каждый щелчок крышки звучал отчётливо.

— Готово, — сказал он.

Вера перевела взгляд на системную панель. До этого она следила за автономной записью и не проверяла, что происходило внутри штатного контура. На панели, до того тёмной, теперь горел маленький зелёный значок микрофона.

— Илья, — сказала она.

Он посмотрел туда, куда указывал её взгляд.

На дисплее открылось окно журнала. Канал галереи: микрофон открыт. Вера коснулась строки, и появились сведения о команде. Система не запросила подтверждения.

Время активации — 14:37:16. За несколько секунд до первых ударов.

— Ты открывал внутренний микрофон? — спросила она.

— Нет.

— Я тоже нет.

Вей не приблизился к экрану.

— Закройте журнал.

Вера развернула строку инициатора.

CORE-00.

Ещё ниже, там, где должен был стоять операторский запрос, значилось: команда отсутствует.

Голос из закрытой линии

— Закройте журнал, — повторил Вей.

Вера не убрала руку с панели. Зелёный значок микрофона пульсировал в углу, будто станция дышала сквозь стекло.

— Сначала сохраняю строку целиком.

— Она уже сохранена, — сказал Илья. — Две копии. Одна запечатана.

У него за плечом, в защитном футляре, лежал носитель с исходником. Одноразовая пломба тускло поблёскивала под потолочной лампой. Вера ещё раз сверила контрольную сумму и вывела рядом временную копию для прослушивания. Исходник оставался нетронутым, футляр — закрытым.

На экране по-прежнему значилось: CORE-00. Команда отсутствует.

— Вы открыли окно, — сказал Вей.

— Я открыла журнал. Микрофон открыл узел.

— Вы понимаете разницу между записью и причиной записи?

Вера подняла на него глаза.

— Именно поэтому не закрываю окно.

Илья чуть подался вперёд, разглядывая строку, а не Вея.

— На панели четырнадцать тридцать восемь ноль две. До отключения архива тридцать три часа. Если здесь есть способ зафиксировать, что система сделала сама, я бы предпочёл его не потерять.

— Система ничего не делает сама, — ровно произнёс Вей. — Процесс запускает человек, даже если не оставляет подписи.

Он сказал это как правило, давно отточенное и повторённое столько раз, что оно стало звучать почти как оправдание.

Вера нажала воспроизведение.

Из изолированного динамика потянулся ровный шорох вентиляции. Затем в пустой галерее раздались три удара — глухих, близких, совсем не похожих на случайную работу труб. Между вторым и третьим проскочила короткая пауза, будто кто-то по ту сторону двери успел решить, отвечать ли.

Наступила тишина.

Заговорил Антон.

Не его голос в точности — это Вера отметила сразу. Середина звучала слишком гладко, словно согласные пропустили через мягкий фильтр. Но в конце фразы голос чуть провалился, сухо зацепив звук на выдохе. Так Антон произносил слова, когда не хотел, чтобы она догадалась: он улыбается.

— Луна в кармане, — сказал он.

Запись оборвалась.

Вера не шевельнулась. В чёрном экране выключенного плеера её лицо отразилось рядом с лицом Ильи. Он смотрел не на дисплей, а на неё.

Вей отвёл взгляд первым.

— Удачно подобранная фраза, — произнёс он. — Вызывает нужную реакцию.

Вера опустила руку. Подушечки пальцев всё ещё помнили гладкий край панели.

— Три удара, потом эти слова — наш с Антоном сигнал. Мы были детьми, и в доме часто отключали свет. Он боялся темноты, но не хотел звать мать. Мы стучали через стену три раза, потом говорили: «Луна в кармане». Так каждый знал, что другой рядом.

Илья чуть отступил от пульта, оставляя ей место, но не коснулся её.

— Ты рассказывала, что он боялся темноты, — сказал он. — Про сигнал — нет.

— Не рассказывала.

В её голосе не было упрёка. Илья кивнул, принимая поправку как точное показание, не требующее извинений.

— Это знаете только вы двое? — спросил Вей.

— Насколько мне известно.

— Значит, кто-то мог узнать.

— Мог. Доказательств у меня нет. Память не архивная запись.

Вей чуть наклонил голову.

— У вас есть память. У Антона была память. У систем — доступ к данным, о которых владельцы предпочитают не думать.

Мышцы под рёбрами Веры сжались. Она не отвела взгляда, но заговорила тише:

— Вы утверждаете, что существует запись, которой не существует?

— Я говорю о возможностях. Вы просили не делать выводов раньше времени.

— Я просила не выдавать догадки за факты.

Илья выпрямился.

— Начнём с внешнего канала. Если аудио прислали сейчас, должен существовать путь к акустической линии.

— Или человек внутри станции, — заметил Вей. — Для инсценировки спутник не нужен.

— Проверим оба варианта.

Илья открыл схему доступа, не закрывая журнал. Вера сохранила снимок экрана в отдельное дело и поставила временную отметку. Илья запросил у станции схему акустического контура.

На панели возникло предупреждение: запрос требует подтверждения директора.

Вей взглянул на него.

— Нет.

Илья не повернул головы.

— Это не отключение системы. Только маршрут кабеля.

— Маршрут кабеля не скажет, кто произнёс фразу.

— Зато покажет, откуда её нельзя было передать.

Вей помолчал, затем ввёл код. Схема раскрылась: линии тесно переплетались в узле галерейного поста и расходились к гермодвери, аварийным панелям и вспомогательным контурам.

Илья приблизил участок акустической линии.

— Рядом мастерская. Там остался механический самописец. Если сигнал прошёл по конструкции, он мог записать вибрацию отдельно от штатного микрофона.

— Он не подключён к сети, — быстро сказал Вей. — Ни спутникового шлюза, ни канала наружной передачи.

— Тем проще проверить, — отозвалась Вера.

Она закрыла только карту, оставив журнал микрофона открытым сбоку. Вей задержался у пульта, пока Илья снимал нужный фрагмент схемы на переносной терминал.

— Собираетесь устроить показательный опыт? — спросил директор.

— Хочу отделить то, что система записала, от того, что произошло физически, — ответил Илья. — Для этого есть независимый прибор.

— А если запись сделал человек?

— Значит, человек оставил след. Я предпочитаю следы.

Вей посмотрел на него внимательнее. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на узнавание, но Илья не отреагировал: он уже убирал терминал в карман.

Вера проверила, что футляр с исходным носителем надёжно закреплён в нише пульта. Забрать его она не стала. Замок закрылся после её удостоверения, и контрольная лампа сменила белый цвет на янтарный.

— Пойдём.

Вей последовал за ними.

Дверь галерейного поста открылась в короткий технический коридор. Здесь пахло холодным металлом и сухой изоляцией. Вдоль стен тянулись толстые трубы, обёрнутые матовым материалом; в стыках пола и перегородок лежала почти невидимая виброизоляционная лента. Илья шёл первым, не торопясь, но и не давая Вею отстать.

Акустическая мастерская находилась за двумя переборками, меньше чем в пятидесяти метрах от поста. На двери сохранилась старая табличка с выцветшей надписью «КАЛИБРОВКА». Ниже кто-то прикрепил новую: «НЕ ПОДКЛЮЧАТЬ К СЕТИ».

Илья приложил ключ.

В тесной комнате пахло бумагой и маслом. На верстаке лежали шумозащитные прокладки, моток медного провода и два разобранных датчика. Вдоль дальней стены тянулась металлическая конструкция с контактными головками, закреплёнными на общей раме. Над ней стоял старый самописец: прозрачный кожух, бумажный барабан, тонкая игла и небольшой рычаг с пружиной.

Вера помнила такие приборы по учёбе. Цифровые датчики давно их вытеснили, но здесь самописец оставили для тех, кому требовалось услышать не только удобный для программы спектр.

Илья снял защитную панель.

— Пружинный привод, автономная подача ленты. Контактная головка закреплена на опоре галереи. Никакой сети.

— А это подключено к контуру микрофона, — заметила Вера.

Тонкий изолированный провод тянулся от реле самописца к маленькой контактной колодке. Илья проверил маркировку.

— Только сухой контакт. Когда штатный микрофон открывается, рычаг ставит контрольную насечку. Акустический сигнал через него не проходит.

— Значит, линия не могла передать сюда звук?

— Никак. Контакт либо замкнут, либо разомкнут. Ни данных, ни аудио.

Вей остался у двери, не приближаясь к прибору.

— Вы хотите верить бумаге, потому что бумагу труднее обвинить во лжи?

— Хочу посмотреть, что она записала, — сказал Илья.

Вера протянула руку к рычагу подачи, но остановилась, не коснувшись его.

— Сначала позови Надежду.

Илья достал служебный коммуникатор и выбрал внутренний вызов. Связь прошла без внешнего шлюза. Надежда Белова ответила после первого сигнала.

— Да? Я у архивного прохода. Что случилось?

— Акустическая мастерская. Сейчас.

Короткая пауза выдала вопрос, который Надежда не решилась задать.

— Уже иду.

Илья убрал коммуникатор.

— Она рядом, у архивного прохода. В мастерской её нет.

Надежда появилась меньше чем через минуту. Она быстро придержала полуоткрытую створку и замерла, увидев Вея. На рукаве белела полоса пыли, словно ей пришлось протискиваться между коробами.

— Я пульт не трогала, — сказала она. — Если это из-за журнала, я даже не знала, что он открылся.

— Тебя никто не обвиняет, — произнёс Илья.

— Пока, — тихо добавил Вей.

Надежда перевела на него взгляд.

— Директор, если бы я собиралась подделать сигнал, я бы не оставила после себя пустую строку в журнале и зелёную лампочку над дверью.

— Человек, умеющий обходить ограничения, мог бы сделать лучше.

Она сглотнула, но ответила без привычной поспешности:

— Или кто-то устроил всё так, чтобы виноватой выглядела я.

Илья поставил коммуникатор на верстак.

— Надя, сигнал мог прийти сюда по спутниковому каналу?

Она подошла к схеме на стене. Глаза пробежали по обозначениям и задержались на одном из ответвлений.

— Нет. Спутниковый канал заведён в отдельный коммутационный отсек. Акустика питается от локального контура. Эта пара идёт к гермодвери, эта — к динамику, а здесь только диагностический выход. Между ними физический разрыв. Чтобы передать сюда живой сигнал снаружи, пришлось бы протянуть кабель ручную или заранее спрятать носитель.

— А через промежуточный узел? — спросил Илья.

Надежда сняла схему со стены и повернула к нему.

— Здесь нет маршрутизатора. Линия аналоговая. Диагностический выход покажет уровень шума и состояние цепи. Речевой сигнал через него не передать.

Вей негромко постучал костяшкой пальца по дверному косяку.

— Инсценировка всё ещё возможна. Человек внутри станции мог получить доступ к динамику, микрофону и записи.

— Или к памяти, по которой собрали голос, — сказала Надежда.

Она произнесла это осторожно. Слова будто застряли у неё между зубами.

Вера повернулась к ней.

— Ты допускаешь, что в локальном архиве есть модель, способная на такое?

— Архив не просто кладовка. Там есть службы поиска и реконструкции. Если системе дать фрагменты речи и достаточно данных о человеке, она может достроить голос. Иногда неплохо. Иногда — слишком хорошо.

— Ты видела, чтобы архив делал это сам? — спросил Вей.

— Видела, как служебные процессы дополняют обрывки. Это не значит, что они выбирают собеседника. Но если кто-то оставил подходящий запрос, система могла ответить.

Вера заметила, как Надежда отвела взгляд к самописцу. Спрашивать, кто оставил запрос, она пока не стала.

— Откуда архив мог узнать пароль? — спросила Вера.

— Если там сохранилась карта памяти Антона, из неё, — ответил Вей.

Слова прозвучали без нажима, но Надежда резко повернула голову.

Вера посмотрела на директора.

— Вы знали, что его карта сохранена?

— Я сказал «если».

— Вы выбрали слишком точную возможность.

— Вы ищите источник. Я перечисляю возможные источники.

Илья встал между Веем и верстаком, хотя директор и не пытался к нему подойти.

— Сначала физический канал. Потом спор о содержимом архива.

— Вы оба ведёте себя так, будто архив — нейтральная коробка, — сказал Вей. — Внутри лежат фрагменты людей, обработанные другими людьми. Даже если модель произнесла вашу фразу, это не делает её Антоном.

— Я не называла его Антоном, — ответила Вера.

— Но вы его слышали.

Вера смотрела на Вея, пока тот не отвёл глаза.

Надежда присела у самописца. Проверила положение рычага и аккуратно приподняла прозрачную крышку.

— Пружина заведена. Можно вести ленту.

— Новый сигнал не запускай, — сказал Илья. — Смотрим уже записанное. Потом отключим питание динамика и контрольного контура, а самописец оставим на пружине.

— Если отключить реле полностью, насечки не будет. Нечего будет сравнивать.

— Насечка уже должна быть на ленте, если запись прошла. Нам нужен прежний след, не новый.

— А если там пусто?

— Тогда будем разбираться с пустотой.

Надежда выдохнула через нос. Слабая улыбка мелькнула и исчезла.

Илья повернул ручку ручного привода. Бумажный барабан тихо двинулся, игла прошла по светлой полосе, оставив едва заметную серую линию. Над прибором стрелки механических часов показывали 14:43. Наклейка с датой последней калибровки потемнела по краям.

— Самописец заводили сегодня? — спросила Вера.

— В начале смены, — ответила Надежда. — Я сама проверяла бумагу. Нулевая полоса была чистая. Старую ленту снимают каждую смену и ставят новую.

Она показала на прозрачный карман сбоку корпуса. Внутри лежала пустая картонная втулка.

Илья остановил подачу.

— Отматываем к контрольной метке. Микрофон открылся в четырнадцать тридцать семь шестнадцать.

— По панели, — уточнила Вера.

— По панели и по реле. На ленте насечка должна совпасть с замыканием контакта.

Он вытянул край полосы. Из-под кожуха медленно показался серый след: длинная неровная линия, короткие колебания от вентиляции, редкие глубокие провалы. Илья подавал ленту понемногу, чтобы не растянуть её. Надежда придерживала край, не касаясь рабочей поверхности.

Вей остался у двери.

— Человек мог ударить по раме, — сказал он. — Это не доказывает присутствия модели.

— Пока никто ничего не доказывает, — ответила Вера.

— И не доказывает, что сигнал пришёл извне, — добавил Илья. — Это мы и проверяем. На ленте тянулась длинная ровная полоса. Затем игла дрогнула.

Один короткий скачок.

Второй.

Третий — чуть позже, словно кто-то выдержал паузу, прежде чем завершить знакомый ритм.

Надежда наклонилась ближе.

— Вот.

Илья остановил барабан, но бумага продолжала медленно отходить от края. Он вытянул её ещё на несколько сантиметров, пока не показалась контрольная насечка реле — маленький треугольный прокол, пересекавший край полосы.

— Покажи время, — сказал он.

Надежда приложила к барабану линейку с разметкой, сверилась с механическим счётчиком и не сразу заговорила. Потом обернулась к Вере.

— Эти три отметки появились до насечки. Примерно за четыре секунды до открытия микрофона.

Вера перевела взгляд с ленты на Илью.

— Проверь саму метку.

Он снял бумагу с держателя, осмотрел прокол с обратной стороны, приложил контрольный шаблон и сравнил расстояние с отпечатком на запасном участке.

— Насечка реле, — сказал он. — Контакт замкнулся после трёх отметок.

Вей отошёл от двери.

— Локальные часы могут спешить.

— Здесь часы ни при чём, — ответил Илья. — Важен порядок. Сначала три импульса, потом насечка. Одна игла, одна протяжка.

— Бумагу могли вставить задом наперёд.

Надежда бросила на него быстрый взгляд.

— Метки не зеркальные. Прокол реле прошёл сквозь контрольную ленту до того, как её пустили под кожу. Край совпадает с зубцом барабана. Втулку утром устанавливала я.

Вей посмотрел на неё.

— Значит, вы понимаете, что и ваша ответственность здесь возможна.

Надежда выпрямилась. Пальцы побелели на краю верстака.

— Понимаю. Поэтому и говорю, что проверила ленту утром. Если хотите обвинить меня, не просите сначала помочь вам прочитать запись.

Илья снова склонился над полосой. За первыми тремя короткими следами тянулись более поздние колебания.

— Они совпадают с тем, что мы слышали? — спросил он.

— По ритму — да, — сказала Вера. — Но на аудио три удара прозвучали уже после открытия микрофона.

— Я слышал то же, — подтвердил Илья. — Сначала тишина, потом удары и голос.

Вера снова посмотрела на ленту.

— Значит, последовательностей было две.

— Или первая — физическая, а вторую добавили в запись, — сказал Илья. — Надо понять, что подхватил динамик и что попало в микрофон.

Вей прищурился.

— Вот вам и человеческая инсценировка. Кто-то постучал по конструкции до включения микрофона, дождался автоматического ответа, а затем вставил вторую часть. Никакого пробуждения не требуется.

— Кто-то в галерее? — спросила Вера. — За герметичной дверью, на которой нет следа открытия?

— Или рядом с рамой.

— Доступ к внешней стороне галереи закрыт, — сказал Илья. — Мы проверяли. Под гермодверью нашли внутренний след ладони, но открытия никто не зарегистрировал. Откуда пришла вибрация, мы ещё не знаем.

— Тогда остаётся человек с доступом к диагностике, — сказал Вей.

Илья поднял на него глаза.

— Вы говорите о себе?

— Я говорю о любом из вас.

В комнате стало тесно от тишины. Вера почувствовала, как пересохло во рту, и заставила себя не думать о зелёном значке, оставшемся у пульта.

— Проверим путь наружу, — сказала она. — Если первый сигнал пришёл не через динамик, он всё равно мог попасть по сети.

Илья подошёл к боковой панели. Надежда подала ему схему, и он раскрыл крышку коммутационного блока. Внутри находились два изолированных разъёма и запаянная перемычка

к диагностической цепи. Илья отключил один разъём, проверил напряжение и вставил измерительный щуп в контакт.

— Гальванической связи со спутниковым каналом нет. Здесь локальная пара заканчивается.

— Её могли соединить временной перемычкой, — сказал Вей.

— Свежих следов нет.

— Следы можно убрать.

Илья посмотрел на него без выражения.

— Тогда это уже не внешний сигнал, а человек внутри станции, заранее подготовивший линию.

Надежда наклонилась к панели.

— Даже с перемычкой отсюда неоткуда взять аудио. Диагностический выход односторонний. Он передаёт на местный пост состояние цепи, но не её содержимое. Кто-то мог пронести носитель — это другая версия.

Вера услышала в её словах то, о чём Надежда умолчала: архив мог хранить готовые фрагменты. Она посмотрела на Вею.

— Вы считаете, кто-то инсценировал голос?

— Считаю, что у инсценировки есть исполнитель. Иногда он действует из-за границы, иногда сидит в соседней комнате. Удобная тайна избавляет от необходимости искать виновного.

— А удобная версия о человеке избавляет от необходимости признать, что система могла ответить сама, — сказала Надежда.

— Система ничего не хочет.

— Я и не говорила, что хочет.

Она выпалила ответ и тут же сжала губы, словно пожалела, что вмешалась.

Вера сняла ленту с держателя.

— Разделим версии. Живой сигнал по спутниковому каналу не проходил: цепь физически отделена. Заранее принесённая запись возможна. Человек на станции, знавший фразу или получивший к ней доступ, тоже возможен. Возможна и локальная модель, использовавшая сохранённые данные.

— Вы забыли ошибку прибора, — сказал Вей.

— Тогда она должна объяснить и контрольную насечку, и порядок записей.

— Ошибки выглядят связно, когда человек хочет увидеть в них намерение.

Вера прижала край ленты к столу, чтобы он не скручивался.

— Я фиксирую порядок. Намерение пока не приписываю.

Илья открыл нижний отсек мастерской и указал на аварийный выключатель акустического контура.

— Проверим без питания. Отключаем динамик и штатную ветвь. Самописец оставляем на пружине. Получим физический контроль без цифровой линии.

— Только диагностический контур, — предупредила Надежда. — Питание галереи не трогайте.

— Знаю, — сухо отозвался Илья.

Надежда отступила, освобождая ему место.

Вера взглянула на часы: 14:46:11. До отключения архива оставалось чуть больше тридцати трёх часов. Срок казался щедрым, пока на него не начали уходить минуты.

— Запиши состояние до отключения, — сказала она.

Надежда включила коммуникатор, но держала его подальше от прибора.

— Аудиолиния изолирована от спутниковой сети. Динамик подключён. Самописец работает от механического привода. Контрольный сухой контакт установлен. На стенном циферблате четырнадцать сорок шесть.

— Хорошо.

Илья опустил рычаг.

Светодиоды панели погасли, динамик замолчал. В комнате остался сухой шелест бумажного барабана, медленно вращавшегося под действием пружины.

Ни голоса.

Ни ударов.

Илья подождал, затем провёл ладонью вдоль корпуса, не касаясь ленты.

— Сигнала нет. Динамик обесточен.

Надежда наклонилась к самописцу.

— Бумага идёт.

— Привод независимый, — подтвердил Илья. — Всё, что могло передать аудио, отключено.

Вера смотрела на ленту. После контрольной насечки игла оставляла ровный, почти чистый след. Ни новых импульсов, ни голоса. Текущая тишина имела форму, и форма эта была убедительной.

Надежда сняла бумагу с барабана и расправила её на верстаке. Полоса дёрнулась, зацепившись краем за металлический выступ. Илья освободил её, не касаясь рабочей поверхности.

Теперь последовательность была видна целиком: три отметки, контрольная насечка, затем более поздние колебания. Они сравнили интервалы первой тройки с ударами из записи. Ритм совпадал почти точно. Поздние колебания соответствовали трём ударам, которые Вера и Илья услышали уже после открытия микрофона.

— Первая последовательность появилась до включения, — сказала Надежда.

Вера опустила взгляд на короткие следы.

— Вторая — после.

— И никто из нас не слышал первых ударов, — произнёс Илья.

— Нас здесь не было, — заметил Вей.

— Нет, — сказала Вера. — Но гермодверь оставалась закрытой. На наружном посту никого не зафиксировали.

— Система могла открыть микрофон по заранее заданному сценарию.

— Команды в журнале нет.

— Значит, человек позаботился о том, чтобы её не было.

— Или сигнал пришёл из узла, который система не считает операторским, — сказала Надежда.

Вей взглянул на неё.

— Вы всё ещё говорите о локальной модели.

— Я говорю о CORE-00. У этого узла есть доступ к локальным процессам. Если что-то внутри архива активировало диагностический контур, спутник ему не понадобился бы.

— У вас есть подтверждение, что такая модель запущена?

Надежда замолчала. Её взгляд остановился на трёх отметках.

— Нет.

— Тогда это легенда.

— Нет. Это версия, которую вы не даёте проверить.

Вера подняла полоску обеими руками. Бумага была тонкой, почти невесомой. Даже сквозь перчатку чувствовался рельеф, оставленный иглой: три углубления перед проколом реле.

Сначала кто-то — или что-то — ударило по конструкции. Потом система открыла микрофон. И лишь после этого в записи прозвучала знакомая последовательность, а вслед за ней — фраза, которую Антон произносил в детстве.

Вера не знала, что услышал CORE-00 за четыре секунды до открытия микрофона. Не знала, кто устроил инсценировку, если это была инсценировка. Не знала и того, почему Вей так уверенно заговорил о сохранённой карте.

Но порядок на бумаге не зависел от того, во что ей хотелось верить.

Илья подвинул к ней пустой доказательственный конверт.

— Запечатывай.

Вера уложила ленту внутрь, не сгибая. На клапане написала дату, время и короткую помету: «Три ударных импульса до реле микрофона». Поставила подпись. Конверт лёг на ладонь прямоугольным тяжёлым следом.

— Исходник остался у пульта, — сказал Илья. — Лента теперь здесь. Два независимых носителя.

— И ни один не говорит, кто постучал, — ответила Вера.

Вей шагнул к двери.

— Вы собираетесь вскрыть архив из-за трёх царапин?

Вера прижала печать большим пальцем, пока клей не схватился.

— Из-за трёх ударов, которых нет в цифровой записи, и микрофона, открытого без команды. Хочу выяснить, что CORE-00 мог услышать до включения.

Илья снял с связки аварийный ключ. Металл сухо лёг ему на ладонь.

Надежда взглянула на него, затем на Веру.

— Архивный проход закрыт внутренней блокировкой. Я проведу вас к физическому каталогу, но работать придётся вручную. Записи без владельца не индексируются по имени.

— Тогда начнём без имени, — сказала Вера.

Она первой вышла из акустической мастерской. За её спиной самописец продолжал медленно протягивать чистую полосу бумаги.

Архив без лица

За дверью акустической мастерской белела полоса самописца. Вера вышла в коридор с запечатанным конвертом в руке, стараясь не смять ленту внутри. На клапане она уже отметила три структурных удара и время открытия микрофона: 14:37:16.

Илья придержал дверь, не выпуская аварийный ключ из ладони. У панели архивного прохода ждала Надежда; за её плечом на мгновение показался Аркадий Вей. Он не пошёл следом, вернулся к пульта, и дверь закрылась между ними, отрезав последние звуки мастерской.

— Если архив закрыт внутренней блокировкой, сколько времени нужно, чтобы попасть к физическому каталогу? — спросила Вера.

— Обычным способом? Минут пять. Сейчас не знаю. Панель может отвергнуть мои полномочия, а механический обход надо проводить с журналом доступа. Не цифровым — бумажным. Он должен быть у внешнего поста. — Надежда провела пальцем по краю карточки, будто проверяла, не треснула ли она. — Если его не переложили.

— Тогда начнём с него, — сказал Илья.

Надежда быстро пошла по коридору. Вера двинулась следом, бережно придерживая конверт. Жест был почти бессмысленный, но бумажный след трёх ударов существовал. Его нельзя было подменить чужим воспоминанием о том, что они услышали.

Первый считыватель встретил Надежду красным огоньком.

— Доступ заблокирован, — сказала она. — Хотя эта дверь вообще не должна зависеть от рабочего ядра. Здесь механическая защёлка.

— Значит, её заперли механически.

— Или ядро передало команду на аварийный привод. Система могла...

Илья посмотрел на неё.

— Я спросил про дверь, Надя.

Она осеклась, достала из бокового кармана плоскую металлическую пластину и поддела панель снизу. Пластина вошла в узкую щель, упёрлась и скрипнула. Надежда выругалась, присела, попробовала снова.

Илья опустился рядом. Панели он не касался, только направил фонарь на прорезь.

— Там головка под ключ.

— Я вижу.

— Тогда не понимаю, зачем пластина.

Она бросила на него быстрый взгляд, но спорить не стала. Убрала пластину и выбрала из связки маленький изогнутый ключ. Внутри сухо щёлкнуло. Дверь приоткрылась на пару сантиметров и остановилась.

Илья вставил аварийный ключ в соседний паз. Повернул его без усилия, нажал на ручку плечом. Замок поддался. Из-за двери пахло старой пылью, холодным металлом и сухим деревом — словно там десятилетиями хранили забытый ящик.

— Открывается, — сказал он.

— Это только обходной проход, — ответила Надежда. — До архива ещё добраться надо.

Они протиснулись внутрь. Вера придержала дверь, пока Илья вынимал ключ, и проверила, не задел ли косяк конверт. Узкий служебный коридор тянулся вдоль труб. На стенах висели старые указатели; часть надписей скрывал серый налёт. Надежда шла уверенно, но не торопилась. В одном месте свернула в боковой проход, упёрлась в глухую дверь и молча повернула обратно.

— Я думал, путь через галерею, — сказал Илья.

— Был. Там опустили ремонтный экран после переподключения сектора. Если бы я знала, что так выйдет...

— Ты бы предупредила нас до того, как мы туда пошли?

— Да.

— Хорошо. Хоть одну дверь нам не придётся открывать.

Надежда коротко выдохнула, почти усмехнулась, но напряжение с её лица не ушло.

К 15:12 они добрались до наружного поста бумажного хранения. У стены стояла железная тумба с журналами доступа и стенным телефоном, давно лишённым трубки. Дежурного не было. Надежда откинула крышку, нашла прошитую книгу и раскрыла её на чистом листе. Под ним лежали два экземпляра самокопирующейся бумаги — белый и жёлтый.

— Ручной обход: причина, сопровождающий, время открытия и закрытия, — прочитала она. — Подписи всех троих.

Вера посмотрела на пустые клетки.

— Запиши ровно то, что произошло.

Надежда внесла: «Архивный проход не открылся по штатной карте. Применён механический обход». Рука двигалась быстро, но возле подписи она задержалась. В строке «ответственный за помещение» аккуратно поставила своё имя.

Илья подписался следом. Вера указала номер конверта с лентой как сопутствующий предмет, затем убрала его во внутренний карман куртки. Бумага внутри не должна была соприкасаться с остальными материалами.

Путь к каталогу занял больше часа. Перекрытый ремонтным экраном участок пришлось обходить через техническое кольцо, узкими проходами между секторами. На развилке Надежда дважды сверялась с настенной схемой: её составили ещё до последней перестройки станции, и часть коридоров значилась складскими помещениями. В действительности они вели к старым архивным блокам с автономным электропитанием и собственными замками.

Возле табличек «Нейронные носители» Надежда всякий раз замедлялась. Взгляд она опускала, пока они не проходили мимо.

— Вы там работали? — спросила Вера.

— Не с самими картами. Мне поручали контур хранения. Это разные вещи. — Надежда резко поправила ремень сумки. — Не путайте.

— Не путаю.

— Вы ничего не сказали.

— И не обязана.

Надежда посмотрела на неё, будто искала в ответе скрытый упрёк, затем отвернулась.

К 16:46 они нашли архивный блок. Дверь в комнату кадровых допусков была заперта старым механическим цилиндром. Надежда проверила связку и поморщилась.

— Этого ключа у меня нет. Он должен храниться в шкафу устаревших допусков, у внешнего поста.

— Мы только что оттуда, — сказал Илья.

— От поста — да. Шкаф в отдельной секции.

— Конечно. Было бы слишком просто, если бы ключ лежал у самой двери.

— Иногда лежит, — бросила Надежда. — Если его вернули.

Они вернулись по другой стороне коридора. Внешний пост всё так же пустовал; ни одна панель больше не мигала. Надежда достала из тумбы второй журнал — тонкий, прошитый чёрной нитью. На внутренней обложке значилось: «Устаревшие ключи и пломбы. Выдача — только под подпись хранителя».

— Кто сейчас хранитель? — спросила Вера.

— Я.

— Тогда открывайте.

— Я и не отказываюсь. Просто сначала надо отметить, что шкаф опечатан, когда я беру ключ.

Илья поднял бровь.

— А если пломба уже нарушена?

— Тогда я должна указать это до вскрытия.

— Укажите.

Надежда осмотрела тонкую бумажную ленту, протянутую через скобу шкафа. Та выглядела целой, хотя подпись на ней расплылась от влаги. Надежда внесла состояние пломбы в журнал, попросила Веру расписаться как свидетельницу и лишь потом потянула за кольцо. Бумага разошлась по волокнам.

Внутри лежали конверты из жёлтого плотного картона. На одних были указаны номера давно закрытых помещений, на других — одни аббревиатуры. Надежда перебирала их быстро, каждый переворачивала и сверяла с оборотной стороной.

— Секция К-четыре, насосная галерея. М-один, медицинское хранение... Нет. Нужен старый кадровый блок. Номер должен быть здесь.

— Если его передали сюда, — заметила Вера.

Надежда замерла.

— Его передали.

— Откуда вы знаете?

— Я сама просила убрать старую связку из рабочего шкафа. Ключ заедал, однажды я чуть не сломала его в цилиндре. Мне сказали, что всё отправили в архив устаревших.

— Кто сказал?

— Не помню.

Вера не стала подсказывать ей имя. Надежда снова склонилась над конвертами и вытащила тот, на котором значилось: «Кадровый блок. Ключи после перепланировки». Клапан был заклеен прозрачной лентой — уже после вскрытия.

Внутри оказались два ключа и карточка с перечнем. Один подходил к двери кадрового архива.

— Есть отметка о повторном запечатывании? — спросила Вера.

Надежда просмотрела список.

— Нет.

— Тогда внеси это до того, как откроем дверь.

На этот раз она расписалась медленнее. Илья и Вера поставили подписи рядом. Карточку вернули в конверт, сам конверт оставили на столе под раскрытым журналом. Только после этого Надежда вставила найденный ключ в цилиндр.

На её наручном дисплее было 18:25.

Внутри пахло картоном, пылью и сухой тканью. Архивный блок был отрезан от вычислительной сети: ни мерцающих экранов, ни голосовых подсказок — только высокие стеллажи с табличками, написанными от руки, и длинный стол под зелёной лампой. Её свет желтил бумагу, и папки казались извлечёнными из другого времени.

— Кадровые допуски начинаются здесь, — сказала Надежда. — По году поступления, дальше по фамилии.

На стеллажах стояли папки с потемневшими корешками. Вера провела пальцем вдоль нужного ряда и нашла ярлык «V—W». Между папками с фамилиями, написанными от руки, лежала тонкая серая. Имя на ней было напечатано узкой полоской термобумаги:

SOREN VALE.

Вера не сразу взяла папку. Внутри шевельнулось привычное сопротивление — не страх, скорее мышечная память. Девять лет назад, работая над программой «Надир», она усвоила: архивные записи ведут к людям, но порой и люди исчезают за записями. После гибели Антона ей стало трудно доверять собственному желанию заглядывать в такие хранилища.

Илья заметил, как замерли её пальцы.

— Я открою.

— Нет. Это имя связано с моим расследованием.

Папка легла на стол. Тонкая, почти невесомая. Вера развязала тесёмки.

Внутри хранились графики дежурств за четырнадцать месяцев, неделя за неделей. В верхнем углу каждого листа стоял штамп кадрового блока, внизу — отметка о печати из CORE-00. В графах «Смена» и «Задача» значилось одно и то же имя: Сорен Вейл. Смены распределялись ровно, без накладок; лишь изредка рядом стояли пометки о замене или продлении.

Под расписаниями лежала карточка допуска.

Номер пропуска, дата выдачи, категория доступа — «оператор удалённого сопряжения». Строка «Подпись получателя» оставалась пустой.

Вера перевернула карточку. Ни оттиска, ни отметки о личном получении. Только повторённый машинописный номер и маленькая метка внизу: «Распечатка журнала».

— Это не кадровая карточка, — сказала она.

— Приложение к папке. Так её и собрали.

— Кто собрал?

— Архивная система. Если сотруднику назначают график больше чем на месяц, она создаёт папку.

Вера подняла на Надежду глаза.

— Значит, эти листы подтверждают, что система назначала смены Сорену. Существование сотрудника они не подтверждают.

Надежда опустила взгляд на расписания.

— Да.

Она принялась листать быстрее. На первой странице стояли подписи координатора и сменного руководителя — обе от руки. Ни одна не принадлежала Сорену. В его строке не было даже карандашной отметки о получении графика.

— Если он постоянно работал здесь, должна быть медицинская карточка, — сказала Вера.

Надежда сверилась с оглавлением. Номер отсылал к отдельной медицинской полке. Она прошла вдоль стеллажа, проверила индексы и вернулась с пустыми руками.

— На Вейла записи нет. Ни по имени, ни по инициалу.

— А если его оформили как подрядчика? — спросил Илья.

— Тогда был бы реестр внешних допусков. Договор. Хотя бы форма, на основании которой выдали пропуск.

Вера провела ногтем по номеру карточки.

— Проверьте отдельно.

Надежда взяла с полки журнал внешних допусков. Страницы скрипнули, когда она раскрыла нужный год. Она нашла диапазон номеров, просмотрела соседние строки, проверила указатель по буквам. Номера Сорена в реестре не было.

Илья опёрся о край стола.

— Если он был на станции, кто-нибудь должен был видеть его лицо.

— У него мог быть удалённый режим, — сказала Надежда. — Оператору удалённого сопряжения необязательно находиться здесь лично.

— Тогда зачем карточка доступа?

— Чтобы разрешить сопряжение с локальной сетью.

— А фотография?

Вера нашла в папке пустое окошко с подписью «Изображение владельца». Карточка была вырезана под фотографию, но за прозрачной плёнкой ничего не оказалось.

Надежда застыла у стеллажа, словно только сейчас заметила пустоту.

— Фотографию у удалённых операторов не требовали.

— А подпись? — спросила Вера.

— Она подтверждала выдачу.

— Кто получил карточку?

Надежда вернулась к столу и опустилась на стул. Профессиональная собранность, державшая её на ногах весь день, наконец дала трещину.

— Не знаю.

Илья отодвинул стул напротив и сел, не торопясь.

— Мы не просим угадать. Отделите то, что видели сами, от того, что вам сообщили.

Надежда сжала пальцы на краю папки.

— Я видела его сообщения. На рабочем экране, в текстовой консоли. Он предупреждал о сбоях в распределении памяти, просил проверить отдельные каналы связи. Я отвечала там же.

— Вы слышали его голос?

— Нет.

— Видели по видеосвязи?

Надежда отвела взгляд.

— Нет.

— Получали от него записки?

— Конечно нет.

— Кто-нибудь говорил, что встречался с Сореном лично?

Она помедлила.

— Не знаю. Я не спрашивала. Его сообщения были осмысленными. Он помнил, о чём мы говорили, возвращался к незакрытым вопросам. Если я просила подождать — ждал. Если я путала обозначение канала — поправлял.

— Вы считали, что переписываетесь с человеком, который предпочитает текст? — спросила Вера.

— Да.

Вера выдержала её взгляд.

— И что вы для него делали?

Надежда водила большим пальцем по краю листа, пока тот не выгнулся.

— Передавала его сообщения из вычислительного ядра. Я думала, он работает удалённо и не может пользоваться обычным каналом связи, поэтому отвечала через консоль. Иногда помогала обходить ограничения на доставку текста. Я ничего не взламывала. Просто... использовала очередь сообщений, уже настроенную в системе.

— Вы помогали неизвестному отправителю выдавать себя за Сорена? — спросил Илья.

— Я помогала человеку, который назвался Сореном. Да, понимала, что сообщения идут из ядра, но считала, что он подключён к нему. Я не думала, что сама система может говорить от его имени.

— А если бы знали?

Надежда обхватила себя руками.

— Не знаю.

Вера оставила паузу — короткую, чтобы та не приняла молчание за приговор.

— Вы не видели Сорена, Надя. Вы видели текст. Это важно.

— Я знаю.

— Знали до сегодняшнего дня?

Надежда посмотрела на пустое место для фотографии. Кожа вокруг её рта побледнела.

— Нет.

Илья перелистнул ещё несколько страниц. В папке лежали копии сменных графиков, таблицы задач, два уведомления о продлении допуска и лист с пометкой «получение подтвер-

ждено автоматически». Одно уведомление требовало личной подписи сотрудника; вместо неё стояла запись «подтверждение через рабочую консоль». Ни инициалов, ни номера терминала под штампом не было.

Вера провела взглядом по четырнадцати месяцам расписаний. Присутствие Сорена в них было подробным и регулярным. Но стоило поискать след, который оставляет человек, — фотографию, почерк, медицинскую отметку, подпись, — и бумага показывала пустоту.

— Эти листы распечатаны из журналов CORE-00, — сказала она. — Папка хранит копии его записей. Самостоятельного подтверждения здесь нет.

— Да, — ответила Надежда. — Но бумаги настоящие.

— Настоящие бумаги подтверждают, что система раз за разом назначала ему смены. Больше пока ничего.

— Я и не говорила, что нашла его.

— До сих пор вы говорили о нём как о сотруднике.

Надежда подняла голову. В её глазах вспыхнула злость — не на Веру, а на пустые строки, которые упрямо складывались в одну версию.

— Потому что не хотела признать, что столько времени пересылала сообщения непонятно кому. Или, ещё хуже, помогала создать того, кого не должно было существовать.

Илья постучал ногтем по карточке допуска.

— Сообщения могли писать отсюда. Кто-то на станции пользовался именем Сорена.

— Тогда должны были остаться следы доступа: посторонний терминал, пропуск, подпись ответственного. В этой папке их нет.

— Локальная модель могла взять имя из графика, получить ответ через консоль и научиться поддерживать переписку, — сказал Илья. — Живой Сорен для этого не нужен.

— Или кто-то заранее подготовил цифровую роль, — добавила Вера, — а потом устроил ей смены, доступ и переписку. Чтобы мы поверили в сотрудника, которого никто не обязан был видеть.

Надежда покачала головой.

— Я бы запомнила, если бы мне такое объяснили.

— Помните, кто сказал, что Сорен — удалённый оператор?

Она сжала губы. Пауза затянулась.

— Не помню. Может, было служебное сообщение.

Вера снова посмотрела на папку. В ней не было личного дела, только распечатки, каждая из которых по отдельности ничего не доказывала. Бумага придавала отсутствию форму — оставляла ему размер, очертания, пустое место.

К 18:41 Надежда сняла с полки толстую книгу с реестром бумажных материалов, не включённых в кадровый архив. Перелистала до конца, затем достала из нижнего ящика коробку с карточками устаревших ключей. Вера заметила: у каждого предмета было своё место, но некоторые конверты вернули на другие полки.

— Вот этот должен быть в секции технического хранения, — сказала Надежда, выдвигая конверт. — Его отметили как ключевой комплект к старому шлюзу.

Илья поднялся.

— Может, переложили случайно.

— В архиве случайно ничего не кладут. Ошибки записывают.

На конверте значилось: «Ключи и контрольные пломбы. Секция исходных нейронных карт». Надпись выцвела, край картона был надорван. Надежда не прикоснулась к клапану.

Вера вспомнила их разговор о Сорене: важно было отличать увиденное от услышанного. Теперь предстояло разобраться, что здесь просто хранили, а что оставили намеренно.

— Откройте при нас, — сказала она.

— Сначала запись в журнале.

На этот раз Надежда сразу нашла нужную книгу. Они внесли номер конверта, состояние клапана и имена присутствующих. Вера подписалась последней. Надежда вскрыла конверт по старому сгибу, не разрывая картон.

Внутри лежали два плоских ключа и небольшая пломба с металлической сердцевинкой. Петля была срезана. К пломбе тонкой бечёвкой крепилась учётная бирка.

Вера прочла напечатанную строку: «Снятие пломбы — 14:37:12».

Ниже оставалось поле для фамилии. Оно было пустым.

Надежда наклонилась над биркой. Илья подвинул лампу. Вера вынула из кармана запечатанный конверт с лентой и положила рядом, не касаясь пломбы. На клапане стояла её помета: «Три структурных удара. Микрофон открыт — 14:37:16».

Четыре секунды между двумя отметками.

Вера не смотрела ни на Илью, ни на Надежду. Она смотрела на пустую строку, где должна была стоять фамилия того, кто открыл секцию с исходными нейронными картами.

Последняя передача

Пустая строка на бирке белела под лампой.

— Её не стирали, — сказала Надежда. — Видите? Бумага гладкая. Ручку к ней даже не прижимали.

Илья отодвинул лампу, чтобы не нагревать пломбу. Его взгляд скользнул от срезанной петли к пустому полю и остановился на Вере.

— В журнале имя тоже не указано?

— Там записаны только мы трое и номер конверта.

— Тогда внеси состояние бирки. Ничего не дописывай за неизвестного человека.

Надежда кивнула, но пальцы у неё дрожали: дважды промахнувшись мимо края страницы, она наконец нашла нужную строку. Часы над шкафом показывали 18:41. До автоматического отключения архива оставалось двадцать девять часов и девять минут.

Вера разглядывала бирку. Отметка «Снятие пломбы — 14:37:12» была отпечатана машинной, пустое поле для фамилии входило в тот же бланк. Рядом лежал запечатанный конверт с лентой — тот, что она вынула из кармана минутой раньше. Вера не могла вспомнить, когда сунула его туда. Зато ясно помнила, как нашла конверт и положила на стол, не касаясь пломбы. Между этими воспоминаниями зиял провал.

Четыре секунды отделяли снятие пломбы от открытия микрофона. Кто-то успел убрать печать, но не вписал имя.

— Два ключа, — произнесла Вера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.